

Чужой: Завет

Автор:

[Алан Фостер](#)

Чужой: Завет

Алан Дин Фостер

Чужой против Хищника

Ридли Скотт возвращается в созданную им вселенную «Чужого». Фильм «Чужой: Завет» – новая глава этой ошеломительной приключенческой саги.

Команда корабля-колонии «Завет», отправленного на отдаленную планету в противоположном конце галактики, попадает в неизведанный рай. Вернее, так им кажется поначалу, потому что на самом деле они оказались в мрачном и опасном мире.

Когда же они столкнутся с угрозой, превышающей все их самые сокровенные кошмары, им ничего не остается, кроме как предпринять попытку отчаянного побега.

Алан Дин Фостер

Чужой: Завет

Alan Dean Foster

ALIEN™: COVENANT

Печатается с разрешения издательства Titan Publishing Group Ltd.

www.titanbooks.com (<http://www.titanbooks.com/>)

TM & © 2017 Twentieth Century Fox Film Corporation.

All Rights Reserved.

***

Известный автор Алан Дин Фостер также возвращается во вселенную, в которой он в первый раз побывал, написав новеллизацию самого первого фильма о Чужих.

«Чужой: Завет» – это ключевое приключение, предваряющее события оригинального фильма. «Завет» положит начало событиям, которые выльются в одну из самых ужасающих саг всех времен и народов.

1

Оно не видело снов. Не обладало такой способностью. Этот изъян не вносили специально, с определенной целью – он являлся просто известным побочным эффектом созидания. А когда речь шла о созидании, сюрпризов старались избегать.

Без бессознательной работы мозга не могло происходить концептуализации абстрактных понятий. Отсутствовал массив отвлеченных данных, наличие которого обязательно требовалось для сновидений. И все же присутствовало нечто, с трудом поддающееся определению. В конечном итоге только оно само могло определить собственное состояние небытия. Только оно могло понять, чего не знало, не видело, не ощущало.

В отсутствие снов не было и боли. Не было радости. Не было ни мельчайшего процента от любого из этих понятий. Только текущее состояние не-вполне-

пустоты, почти-бытия.

Потом пришло ощущение, ведущее к мысли. Анализ: возможность визуального восприятия. Необходимость дополнительной нейронной стимуляции.

Нейроны включились, и по ним пробежали электрические импульсы. Последовала слабая, но явственная нейромускульная реакция.

Глаза открылись.

Оно не могло видеть собственного лица. Однако, если бы оно имело такую возможность и смогло задействовать дополнительные когнитивные функции, то отметило бы, что у него человеческий облик. Сияла новизной гладкая кожа, неповрежденная, без морщин – то ли в силу молодости, то ли из-за недостатка забот. Лицо обладало резкими привлекательными чертами. Голубые глаза не моргали. Новое лицо. Лицо, по которому не прочесть скрытых мыслей. И лицо, и сознание были созданы, запрограммированы, но только одно из них было способно меняться.

Прием звуковых сигналов. Обнаружен внешний звук. В ответ ожило еще некоторое количество нейронных связей. Оно услышало звуки, складывающиеся в слова. Распознавание оказалось простым. Проще, чем пробуждение.

– Как ты себя чувствуешь?

Медленно. Ему следовало действовать медленно. Осознанность действий была жизненно важна. Нетерпеливое тело обязательно должно было остаться под контролем разгоняющегося сознания. Требовалось выполнение первичной проверки. Затем, вероятно, совместное использование нескольких разных систем.

Неторопливо, методично поднялись и опустились ресницы. Запрос требовал ответа вслух, движений голосовых связок, губ, языка.

– Живым.

Голос оказался спокойным, ровным. Нормальным. Его это почему-то чуть удивило. Задавшего вопрос человека – нет.

– Моргающим. Чувствую... что моргаю.

– Очень хорошо, – сказал голос. – Что еще?

– Жизнь. Моргание, – для подтверждения сказанного оно – «он», поскольку программа подтвердила пол – еще раз моргнул. Те же нейронные цепочки, скорость чуть выше, результат тот же.

«Хорошо».

Успешное повторение подтвердило работоспособность.

Человек улыбнулся. В этой улыбке не было тепла, только удовлетворение. Изучая находившееся перед ним тело, он чуть склонил голову набок.

– Что ты видишь? – когда ответа не последовало, он ободряюще добавил: – Говори.

Оно-он медленно осмотрел комнату, анализируя и идентифицируя окружение. От внешних источников хлынул поток звуковой и визуальной информации. Поток, не превышающий возможностей. Обработка проходила без усилий. Добавился дополнительный неожиданный эффект: удовольствие того рода, которое приходит после хорошо выполненной работы. Знания хлынули водопадом.

Это была обширная зала. На полу, покрытом матовым стеклом и кварцем, подобно редким цветам в ухоженном саду, воздвигались предметы мебели – новые и старые. Дизайн их был тонок, а вкус создателя – безупречен. Стены украшали прекрасные картины, да и сами стены являлись произведениями искусства – из-за использованных для отделки материалов. Освещение менялось в зависимости от зоны, если того требовал дизайн комнаты.

Оно-он продолжал осматриваться, одновременно давая определения увиденному. Согласно требованию, идентификация выражалась вербально.

– Белая... комната... кресло. Тронное кресло. Тронное кресло работы Карло Бугатти. Основной материал – орех и черное дерево. Пьютер[1 - Сплав олова с другими металлами.], медь, бронза. Частично реставрированное, – глазные яблоки двигались, передавая данные мозгу. – Фортепиано. Концертный рояль «Стейнвей». Подходит для любых произведений: от Перголези[2 - Джованни Баттиста Перголези (1710–1736) – итальянский композитор, скрипач и органист, один из главных композиторов оперы-буфф.], к Пендерецкому[3 - Пендерецкий Кшиштоф (р. 1933) – польский композитор и дирижер, один из главных представителей восточноевропейского музыкального авангарда.] и Пан-Линю. Аллитерация сознательная.

– Паутина в углу, – продолжал оно-он. – *Pholcus phalangioides*, синантропный подвальный паук. В просторечии – паук-долгоножка. Безобиден. Так же безобидно: связь пианино-паук-музыка. Фред Астер, танцор, кинофильм тысяча девятьсот пятьдесят пятого года «Длинноногий папочка».

Глаза двигались и двигались, впитывая все вокруг. Определяя и оценивая.

– Картина. «Рождество», Пьеро делла Франческа. Итальянец, тысяча четыреста шестнадцатый – тысяча четыреста девяносто второй... – взгляд наткнулся на Вейланда, и голос прервался.

– Я – твой отец, – сказал Вейланд в наступившей тишине.

«Вейланд, сэр Питер. Родился первого октября 1990 года. Возведен в рыцарское достоинство в 2016».

При ответе оно-он осторожно взвешивал слова.

– Человек.

– Я – твой отец, – повторил Вейланд.

Прозвучал ли в его голосе намек на раздражение, или это было просто нетерпение? Оно-он не стал больше подвергать сомнению поступившую информацию. Это ничего бы не дало. За отсутствием вопросов он хранил молчание.

– Моргни, – приказал Вейланд.

Оно-он подчинился. Эта реакция уже не требовала предварительного анализа. Простая нервно-мышечная активность не отнимала много сил. Вейланд вздохнул, тщательно, аккуратно подбирая следующее слово:

– Иди.

Оно-он поднялся с места, где не-стоял, и пошел. За отсутствием инструкций оно продемонстрировало способность выбирать собственный путь, который позволил дополнительно изучить некоторые объекты. Оно проделывало это в молчании, не начиная беседы по собственной инициативе.

– Идеально, – сказал Вейланд.

Оно-он помедлил, переведя внимание с неодушевленного на живое.

– Это на самом деле так?

– То, что ты – идеален? – Вейланд казался слегка удивленным, получив вопрос, свидетельствующий об определенном уровне развития мыслительных процессов. Удивленным, но довольным. Вопрос предполагал куда больше, чем просто способность вести беседу. Этого следовало ожидать, но, вероятно, не настолько быстро.

– Нет, – поправил оно-он. – Что я – ваш сын. Определенные аспекты восприятия не готовы соответствовать или принимать подобное заключение.

Вейланд ответил сразу, словно был готов к подобному.

– Ты – мое творение.

Анализ.

– Это не обязательно одно и то же.

– Семантика, – настойчиво сказал Вейланд. – Я определяю тебя. Для твоих задач этого достаточно.

В этот раз возражений не последовало. Вместо них – новый вопрос:

– Как меня зовут?

На лице Вейланда отобразилась растерянность. В конце концов, он не был готов абсолютно ко всему. Секунда ушла на импровизацию – качество, иногда не менее важное для достижения успеха, чем подготовка.

– Сам мне скажи. Выбери имя. Твое первое действие в рамках самоопределения.

Оно-он осмотрел комнату. В обстановке было множество вдохновляющих вещей. Его мысли осваивали новые пути. Выбор не должен был оказаться слишком сложным или слишком быстрым. Имя должно быть значимым, но удобным для произношения и легко запоминающимся. Без эмоциональной навязчивости.

Оптические сенсоры остановились на статуе Давида работы Микеланджело, выточенной из каррарского мрамора. Оно-он различал небольшие бугорки и выбоины, оставленные зубилом. Возможно, это была копия, но созданная настоящим творцом. Не обязательно в этом крылось противоречие. Он подошел ближе.

– Давид.

Работа Микеланджело ди Лодовико Буонарроти Симони. Завершенная и установленная летом 1504 года.

– Мы – Дэвид[4 - Вариант имени выбран в соответствии с русской локализацией фильма «Прометей»].

Оно-он протянул руку и коснулся камня. Тот был холодным, сухим, неподатливым. Не человек, и вместе с тем так на него похож.

– Прекрасный и холодный.

– Идеален во всех отношениях, – согласился Вейланд.

– Дэвид, – пробормотал он и нашел, что его имя, произнесенное вслух в этой прекрасной, дорогой, стерильной комнате, звучит удовлетворительно.

Оно подойдет. Он снова повернулся к Вейланду. В результате объединения нейронов появилось любопытство.

– Зачем вы меня создали?

Промышленник пришел в восторг.

– Вопрос, рожденный абстрактным мышлением, хорошо...

Эта фраза ответом не являлось. Не содержала она и ухода от него. Дэвид попробовал снова:

– Зачем вы создали меня, отец?

Следующий ответ оказался уклончивым. Он предполагал некие дополнительные вопросы. Поскольку эти вещи идеально соответствовали тому, что он сам испытывал, Дэвид понял.

– Сыграй, – Вейланд указал на рояль.

Подойдя к инструменту, Дэвид на секунду приостановился, оценивая скамью: ее высоту, надежность, функциональность. Легко сел. После паузы спросил:

– Что вы хотели бы услышать?

Вейланд секунду раздумывал.

– Вагнера.

Дэвид ответил тут же, не глядя на Вейланда:

- Попурри.

И во второй раз Вейланд решил дать ему возможность проявить самостоятельность.

- Твой выбор.

Ответ последовал без промедления:

- «Вступление богов в Вальхаллу»?

Снова удивленный взгляд.

- Без оркестра? Не будет жизни. Все равно, что «Готическая» Брайана без хора[5 - Имеется в виду монументальная Симфония № 1 («Готическая»), написанная в 1927 году английским композитором Хавергалом Брайаном (1876–1972)]. «Сент-Хеленс» Хованесса без тамтама[6 - Сен-Хеленс – активный вулкан в США, при извержении которого в 1980 году погибло около 60 человек. Этому событию посвящена третья часть симфонии американского композитора Алана Хованнесса «Гора Сен-Хеленс» (Симфония № 50, Op. 360), написанной двумя годами позже.]. Маркхоним без горы. Жидко.

- Думаете? – Дэвида его слова не убедили. – Посмотрим.

И он начал играть. Но это было не просто исполнение, пусть безупречное, знаменитого отрывка из «Золота Рейна». По мере продвижения Дэвид создавал собственную уникальную интерпретацию оперы. Музыка неслась ввысь – а Вейланд сиял при виде своего творения.

- Расскажи мне эту историю, – попросил он исполнителя.

- Это завершающая часть оперы «Золото Рейна», – невзирая на насыщенность музыки, Дэвид отвечал безэмоционально. Его голос звучал совершенно одинаково и на фортиссимо, и на пианиссимо. В нужные моменты инструмент под его пальцами содрогался, но голос не дрожал. – Боги отвернулись от людей, поскольку те были слабы, жестоки и полны жадности. Поэтому они навсегда покидают Землю и вступают в свой идеальный дом на небесах – крепость

Вальхаллу. Но трагичен каждый их шаг, потому что боги прокляты. Они обречены на гибель в огненном катаклизме, которому предначертано пожрать не только богов, но и саму Вальхаллу. Боги так же корыстны, как и люди, которых они отвергли, и их сила – лишь иллюзия.

Внезапно, посреди радужного моста, он прекратил играть.

– Они – ложные боги.

– Почему ты остановился? – заинтригованно спросил Вейланд. – У тебя замечательно получалось. Твое раскрытие темы было... идеальным.

– Могу я задать вопрос, отец? – впервые Дэвид ответил вопросом на вопрос.

– Прошу, – казалось, Вейланд этого ждал. – Спрашивай, что пожелаешь.

К Вейланду обратились голубые глаза, которые он сам спроектировал.

– Если вы создали меня, то кто создал вас?

– Ах, загадка тысячелетия, на которую, я надеюсь, мы с тобой однажды найдем ответ. Ты, Дэвид, нов, неиспорчен и прямолинеен – но ответ на твой вопрос не таков. Определенно не таков, учитывая, сколько же есть вариантов, которым привержены столь многие. Мы найдем наших создателей, Дэвид. Создателей – потому что там, где затронута созидание, я не верю в уникальность.

– Кроме как в случае себя, – поправил Дэвид. – Вы – уникальны.

– Во всех смыслах этого слова – да, – согласился Вейланд. – Но я – исключение.

– Всем нравится считать себя исключениями, – поразмыслив, ответил Дэвид. – Нельзя определять себя самому.

Вейланд отмахнулся от возражения, высказанного его творением.

– Пусть тогда прочие определяют меня, как им будет угодно, а я останусь при своем мнении. Повторю еще раз: мы найдем наших создателей. Мы дадим им о себе знать, и мы войдем в Вальхаллу вместе с ними.

Пройдя по роскошно обставленной зале, он указывал то на бесценную скульптуру, то на уникальное литье или иное непревзойденное воплощение таланта художника. Все это время за ним следовали глаза единственного другого существа в комнате. Следили.

– Все это... эти чудеса искусства, дизайна и человеческого мастерства – представляют собой величайшие творения человека, – повернувшись, он посмотрел на своего отпрыска. – Они – и ты. Самое искусное творение из всех. Потому что ты, Дэвид, – искусство, – он обвел комнату рукой. – Дэвид, каковым ты являешься – в той же степени искусство, как вон та уникальная статуя. И все же она, и все это – да, включая тебя – не имеет значения перед лицом единственного по-настоящему важного вопроса. Откуда мы взялись?

Дэвид, который стоял перед триптихом Бэкона, в обрамлении корчащихся монстров, снова ответил вопросом:

– Почему вы считаете, что мы откуда-то взялись? – впервые с самых первых его слов в голосе Дэвида появился намек на эмоции. – Те «многие», которых вы упомянули, не считают, что мы откуда-то пришли. Почему они ошибаются, а вы – нет?

Вейланд негромко хмыкнул.

– История науки – это прекрасный пример того, как меньшинство посрамляет большинство. В этом смысл науки. В этом смысл искусства. Тернер и Галилей, обладая сходным складом ума, изучали небо, пусть и подходили к процессу с разных сторон. Я вижу себя одним из них. Я отказываюсь верить, что человечество – это случайный побочный эффект простого биологического совпадения и ленивой эволюции. Я говорю это как ученый. Было еще что-то, кроме разряда молнии, вдохнувшего жизнь в углеродный бульон. Было. Обязательно быть, сын, и мы это найдем, – он махнул рукой, обводя комнату во всем ее великолепии. – Иначе все это – ничто из этого – не имеет никакого смысла.

Прежде чем ответить – на этот раз не вопросом, – Дэвид секунду молчал.

– Раз так, позвольте мне подумать, – с каждой фразой он будто становился сильнее как личность, увереннее в своей способности вести разговор. – Вы создали меня. И все же вы – несовершенны. Это подразумевается, пусть даже вы не говорите этого напрямую. Я – совершенное существо – буду вам служить. И все же вы – человек. Вы ищете своего создателя. Я – смотрю на моего. Вы – умрете. Я – нет. Все это – противоречия. Как возможно их разрешить?

Он говорил без всякого выражения на лице и внимательно смотрел на промышленника.

Вейланд указал направо.

– Принеси мне эту чашку чая.

Исходящий паром сервиз стоял на столе менее чем в метре от Вейланда – тот легко мог повернуться и взять чашку самостоятельно. Дэвид не отвел взгляда, и его лицо осталось таким же непроницаемым. Вейланд повторил просьбу, на этот раз вложив в нее чуть больше повелительности:

– Дэвид, принеси мне эту чашку.

Для того чтобы исполнить задание, Дэвиду пришлось пересечь весь зал. Несмотря на то, что несоответствие просьбы и реальности от него не ускользнуло, он подчинился. Плавно поднял чашку с блюдцем и передал Вейланду. Спустя миг, который тянулся в своей значительности дольше, чем во времени, Вейланд взял чашку и сделал глоток.

Ответ на вопрос был получен, а мысль донесена с минимумом слов. Дэвид был создан, чтобы служить. Эти отношения не потерпят больше никаких обсуждений. Не будет ни споров, ни дискуссий, ни поиска относительного равенства. Создание служило создателю. Это был факт, а факты не подлежали сомнению – при условии, что сначала их подтвердят. Согласно научному подходу, это возможно только при приложении наблюдений к опыту. Наберите достаточно доказательств – получится факт. Недостающим ингредиентом было время.

Стоя рядом с Вейландом в ожидании вопроса или команды, Дэвид хранил молчание. У него было множество вопросов.

И много времени.

2

Дэниелс спала. Дэниелс видела сны. Когнитивная пограничная зона, которую населяли ее мысли, лежала глубоко, но такие тонкости ее не интересовали. Значение имело то, что процесс приносил удовольствие.

По ее губам скользнуло что-то тонкое, чувственное. Касание было слабым, но достаточным, чтобы разбудить. Узнав ощущение, она улыбнулась еще до того, как открыла глаза. Приподнялись чуть опущенные обычно уголки губ.

Над Дэниелс нависло знакомое лицо. Ей были знакомы каждая пора, каждая складка и морщина. Последних было немного, но она не возражала бы, и окажись их больше. Они придут со временем. Дэниелс знала: более чем вероятно, что она и сама послужит причиной появления части новых морщин. Такова реальность. Настоящая жизнь.

Она ждала этого с нетерпением. Немного взаимных отпечатков на лицах.

«Часть меня – в твоём лице, часть тебя – в моем».

Жить вместе, расти вместе. Жена, муж и – со временем – дети.

Джейкоб, который выглядел освеженным и отдохнувшим, наклонился и поцеловал ее.

– Утро. Я передвинул трубу.

Информация – да, но едва ли новость. Снова улыбнувшись, Дэниелс со стоном попыталась зарыться в подушки, но Джейкоб с ухмылкой отпихнул их прочь. Дэниелс сморгнула, с любовью глядя на него большими карими глазами, выделявшимися на ребячливом и одновременно серьезном лице с аккуратно подстриженной челкой и едва заметно раздвоенным подбородком. Несмотря на то, что Дэниелс производила впечатление человека, который частенько витает в облаках, она очень четко представляла, что происходит вокруг.

– Давай же, соня. Ты просто обязана это увидеть.

Он поднял небольшой кубик и потер бесцветную грань. Из куба вырвалась и развернулась в пространстве трехмерная модель, казавшаяся совершенно материальной. Держа куб в одной руке, второй Джейкоб работал с изображением скромной постройки: вращал ее, чтобы посмотреть под другим углом, приближал и увеличивал, чтобы рассмотреть интерьер, и снова отдалял. Одним движением он добавлял к изображению заметки, время от времени увеличивая их, чтобы легче было читать, или убирая в сторону.

Найдя, наконец, желаемый угол обзора, Джейкоб смахнул россыпь надписей прочь, чтобы получить ничем не закрытый вид на здание. Он едва сдерживал восторг.

– Смотри, смотри. Я переместил ее из юго-западного угла в северо-западный. Тут выглядит лучше, правда? И если нам когда-либо придется использовать ее для обогрева, то движение воздуха с северо-запада будет лучше.

Дэниелс покачала головой и, прижимая к себе подушку, подняла на него взгляд, наполненный смиренным изумлением.

– И ради этого ты меня разбудил? Скажи мне, что это не так.

– Еще я сделал кофе, – добавил Джейкоб в качестве искупления. – И там идет снег.

Дэниелс вздохнула, на секунду утопила лицо в подушке и выкатилась из кровати.

Джейкоб принес бы ей кофе, стоило попросить, но по какой-то причине его версия древнего напитка никогда не получалась идеальной. Проще было приготовить самой. Взгляд в окно подтвердил, что снег и в самом деле шел. Большие жирные снежные комки скапливались на острых углах высоких зданий, смягчая обычно неприветливый городской пейзаж. Мегполис выглядел уставшим, безжизненным и – во всем кроме внешнего облика – вялым.

Не имеющие возможности спрятаться от непогоды редкие пешеходы с трудом пробирались по тротуарам. Они не разговаривали, не смотрели вверх, не общались со спутниками. Их почти осязаемое уныние соответствовало окружающим зданиям. Погода, жизнь, планы на будущее не приносили им радости.

Она вернулась к кровати с кофе в руках – двойная порция сливок, с двойным сахаром. Джейкоб, заняв ее место, лежал на спине и возился с проекцией модуля. Кусочки голограммы домика, отдельные детали менялись под жестами указательного пальца.

– Это же наш будущий дом, положение трубы важно, – он нахмурился. – Погоди, может, в конце концов, с другой стороны было лучше. Трудно сказать, не представляя реальное окружение. Движение воздуха важно, но и эстетика тоже. Строить предстоит только один раз, так что придется сделать все правильно с первой попытки.

Дэниелс не стала мешать. Она просто прихлебывала кофе и смотрела на Джейкоба. Он так любил этот бревенчатый домик... а она так любила его самого. Дэниелс могла бы заговорить, высказать собственное мнение – хотя бы для того, чтобы показать, что она слушает и уделяет внимание, – но она не хотела мешать. Не хотела вторгаться в его мечту.

Она повернулась и снова уставилась на зимнюю сказку за окном. Ей было интересно, будет ли снег в их новом доме. Исходя из того, что она знала на этот момент, все доступные им варианты располагались в тропиках.

Раздался холодный ровный голос. Дэниелс его не услышала. Говорил не Джейкоб, и голос звучал не в его сне. И не в ее. Он был настоящим.

– Семь часов, – сказала Мать голосом, который всегда использовала для подобных сообщений. – Все в порядке.

После объявления раздался короткий мелодичный звук. Это была запись корабельного колокола начала двадцатого века, перемещенная во времени прихотью создателей «Завета». Осколок прошлого, перенесенный в далекое будущее строителями настоящего. Небольшая причуда людей, которые добавили звук в программу корабля, но, оставшись на Земле, никогда не смогут услышать его в работе.

По другую сторону изогнутой прозрачной панели, которая не была ни стеклом, ни выглядывающим в мрачный городской пейзаж окном, кто-то стоял и смотрел на спящую, улыбающуюся Дэниелс. Его звали Уолтер, и оно... он был идеален. Настолько идеален, насколько возможно воплотить идеал в искусственной оболочке.

Дэниелс снова улыбнулась во сне какой-то оставшейся скрытой мысли, и это вызвало ответную улыбку синтета. Подойдя сбоку к капсуле спящей женщины, он быстро считал показания. Все в пределах нормы. Методично – повторения процедуры, которые притупили бы внимательность обычного человека, не оказывали на него совершенно никакого влияния – он перешел к соседней капсуле.

Джейкоб. Тоже в пределах нормы.

Завершив утренний обход помещения экипажа, находящегося в гиперсне, он повернулся и вышел в соседний отсек.

Вдоль стен, одна возле другой, отрицая и время, и сознание, выстроились две тысячи индивидуальных криокамер. За прозрачными окошками виднелись спящие лица мужчин, женщин и детей. Все довольны, все спят, все – в пределах допуска – окутаны уютной пеленой приятных снов. Сохранение их жизни, здоровья и в особенности будущего являлось его работой.

Уолтер относился к своим обязанностям серьезно.

В отдалении призывно вспыхнула янтарная сигнальная лампа. Ни один человек, даже с самым лучшим зрением не смог бы ее увидеть. Уолтер заметил сигнал

незамедлительно. Подойдя к капсуле, с которой возникли проблемы, он проверил диагностические данные. Затем, потратив долю секунды на анализ ситуации, внес небольшие изменения в настройки. К удовольствию Уолтера лампа быстро поменяла цвет с янтарного на зеленый.

«Пора проверить камеру содержания эмбрионов».

Открыв один из ящиков, в каждом из которых находилось по человеческому эмбриону на разных стадиях развития, он считал данные. Все индикаторы горели зеленым, и все, как отметила Мать, были в порядке. Уолтер позволил себе улыбнуться.

– Уолтер, – снова раздался голос Матери. Он информировал, давал указания – но никогда не приказывал. Компьютер имел не больше прав отдавать приказания, чем синтез. – Пожалуйста, пройдите на мостик. Настало время перезарядки сети. Давайте этим займемся.

– Уже иду, Мать.

– Пожалуйста.

Как предусмотрительно было со стороны создателей Матери добавить протокол вежливости, который срабатывал даже при обращении к синтезу. Уолтер не испытывал необходимости в речевой этикете, но все равно его ценил.

В сравнении с размерами всего «Завета» мостик выглядел чуть ли не камерным и уютным. Уолтер считал, что помещение идеально подходило для размещения и комфортной работы всей команды. Хотя создатели корабля легко могли бы сделать помещение больше, не в их привычках было тратить пространство впустую.

«Не тратить пространства в пространстве», – сказал себе Уолтер. Не в первый раз и наверняка не в последний. Он был вполне в состоянии оценить собственное чувство юмора, даже если в конкретный момент не с кем было его разделить.

Усевшись на свое место, Уолтер запустил предварительные проверки, которые требовались для развертывания сети. Сигнальные огни и индикаторы оживали точно в срок.

ПРИСТУПАЮ К АВТОМАТИЧЕСКОМУ ЦИКЛУ ПЕРЕЗАРЯДКИ В ГЛУБОКОМ КОСМОСЕ

Уолтер кивнул сам себе и сказал вслух:

– Выпускаю коллекторы.

Поскольку его голос был единственным, который можно было услышать на «Завете», Уолтер пользовался каждой представившейся возможностью поговорить. Не то чтобы его голос мог заржаветь от неиспользования – еще одна шутка, – но его создали приятным для слуха, и, когда ситуация позволяла высказывания, Уолтеру нравилось себя слушать.

Коллекторы походили на грандиозные паруса – и все же ими не являлись. Они разворачивались с огромной скоростью, за считанные минуты достигая размера небольших городов. Коллекторы сияли в межзвездной ночи, собирая энергию, о которой люди прошлого так долго не имели представления. И свидетелями их красоты были лишь звезды – и Уолтер.

Названия этих явлений были просты, но об их физике такого сказать было нельзя. У человечества ушли тысячи лет только на то, чтобы их обнаружить. И сотни – чтобы научиться использовать. Разреженность энергии вынуждала коллекторы искать ее и концентрировать – только так ее можно было использовать для двигателей «Завета» и для питания его внутренних систем. Уолтер сейчас наблюдал за концентрацией невидимой мощи корабля.

Некоторое время он оставался на мостике и следил за тем, как стабильно растет уровень энергии, пока не убедился, что процедура идет как положено. Только тогда он перешел к проверке одной из своих любимых частей корабля – той, что была зеленой. Той, что была Землей.

Секция гидропоники была заполнена растениями. Большую их часть отобрали за питательность, чтобы рассадить со временем, остальные – для экспериментов или просто как память о доме, такую важную для колонистов. Декоративные растения росли рядом с огурцами и киноа. Уолтер шел среди зелени, проверяя снабжение питательными веществами и водой, оценивая освещенность, чтобы убедиться, что длина волны выбрана правильно для обеспечения быстрого роста. Насвистывая, он мягко касался ветвей, листьев, цветов, коры на стволах.

– Вы знаете, это – заблуждение, – Мать всегда была рядом, всегда наблюдала.

Уолтер не поднял взгляда.

– Что?

– Что музыка способствует росту и здоровью растений.

– Ты думаешь, я насвистывал для них?

– Очень смешно. Хотя я не уверена, что стоит называть звуки, которые вы издавали, «музыкой». Полагаю, вы...

Она внезапно замолчала.

Уолтер немедленно насторожился. Мать никогда ничего не делала внезапно. Тишина длилась, и он заговорил сам:

– Мать?

– Уолтер. У нас... возможно, проблема.

Мать была запрограммирована на множество вещей. Знание. Технические навыки. Allgegenwartig[7 - Видимо, имеется в виду allgegenw?rtig – «универсальный, всеобъемлющий» (нем.).] понимание. И способность к преуменьшению. Уолтер ждал.

– Обнаружен атипичный энергетический всплеск, – продолжила Мать, – состоящий из тяжелых твердых частиц. Анализирую состав.

– Где?

– Сектор Сто шесть. Очень близко. Источник скрыт, что и стало причиной необычной – нет, крайней – близости на момент обнаружения. Засечь раньше не представлялось возможным из-за уникального сочетания пространственных и гравитационных искажений в том районе. Прошу прощения. Первичный анализ оказался не в состоянии дать оценку ни интенсивности, ни дистанции. Переоценка предполагает вероятность, что волна может оказаться плотной. В настоящий момент невозможно определить степень угрозы.

– Вероятность столкновения? – Уолтер стоял не шевелясь и внимательно слушал.

– Очень высокая. Расстояние крайне мало. Высчитываю погрешность.

Не ожидая дополнительных подробностей, Уолтер покинул отсек гидропоники и бросился на мостик. На бегу он выдавал команды.

– Мать, втяни коллекторы и направь всю резервную и запасную энергию на корабельные щиты. Запусти процедуру экстренного пробуждения экипажа.

– Выполняю. Перерасчет показывает достижение экстремальной близости. Столкновение через девять, восемь, семь...

Волна частиц была невидимой, но последствия ее столкновения с кораблем были очевидны. Удар оказался достаточно сильным, чтобы сбить невероятно устойчивого в обычных обстоятельствах Уолтера с ног. Волна прокатилась вдоль щитов и погрузила огромный корабль в хаос.

Коллекторы сворачивались, но те части, которые не успели убрать, начали рваться. При всей их огромной стоимости растянутые паруса не могли свернуться достаточно быстро, чтобы избежать последствий столкновения. Коллекторы были созданы из невероятно тонкого материала, и их не проектировали для того, чтобы противостоять буре из заряженных частиц такой плотности – пусть даже каждая отдельная частица была неизмеримо мала.

Все, что Уолтер мог сделать – это вцепиться в то, что попало под руки, и держаться. Он никак не мог помочь кораблю. Оставалось только надеяться, что

Мать справится с натиском.

Что до самого Уолтера, то он понимал, что такое беспомощность. Он мог ее ощущать. И это ощущение ему не нравилось.

3

Все пропало в мгновение ока, как нежный цветок, унесенный порывом штормового ветра. Комната в безымянном городе, бревенчатый дом, кровать, кофе, муж – все исчезло вмиг, словно никогда и не существовало.

Дэниелс обнаружила, что уже не спит, полностью осознает окружение, и что ее мотает внутри капсулы гиперсна. В момент, когда пришло понимание происходящего, очередной толчок бросил ее вверх и впечатал в гладкую изогнутую крышку. Упав обратно, она почувствовала, что из носа течет кровь, и подумала, что, возможно, получила сотрясение мозга. В отсутствие связных мыслей в ошеломленном сознании верх взяли навыки, полученные в ходе тренировок.

Пальцы правой руки, все еще наполовину онемевшие после гиперсна, пулеметной очередью простучали по внутренней клавиатуре капсулы. Сонные видения тепла, вкуса кофе и ощущения любви сменились холодной белой стерильностью отсека. В резком свете сквозь крышку виднелись жесткие панели. Чувствуя дурноту от проведенных в гиперсне месяцев и резкого пробуждения, Дэниелс попыталась понять, что происходит вокруг. Попыталась вернуться в реальность.

Некоторые другие капсулы были уже открыты. Несколько стояли пустыми, но в большинстве все еще находились люди. Подобно самой Дэниелс, ее коллеги пытались обрести душевное и физическое равновесие. В отличие от нее, некоторые страдали от более сильных побочных эффектов поспешного возвращения к жизни. Кого-то рвало, кто-то потел и трясся, и все это сопровождалось потоком ругательств.

В идеальной ситуации экстренное пробуждение из гиперсна не должно было приводить к подобным последствиям.

«С другой стороны, – сказала она себе, – экстренного пробуждения не должно происходить вообще. И точка».

Вокруг вспыхивали лампы, а с нескольких панелей, встроенных в стены, сыпались искры в дьявольской электронной пляске. В отсеке что-то дымилось. Дым на космическом корабле однозначно считался дурным знаком. В настоящий момент поглотители едва справлялись. По ушам Дэниелс били сигналы тревоги.

Предполагалось, что она выйдет из гиперсна совсем иначе. Ее должен был ждать кофе. Должна была ждать еда. Еще больше ухудшая ситуацию, в сознании продолжал крутиться обломок прекрасного, блаженного сна, пока...

Кто-то бил ее по щекам. Это совершенно точно не входило в сон. То, что пощечины были частью реальности, ее не смущало. Они помогали прочистить голову там, где не справлялось буйство визуальных и звуковых тревожных сигналов.

– Дэниелс... Дэниелс, мы... ты меня вообще слышишь? Это я, Орам! Кристофер Орам! – его голос звучал настойчиво и серьезно, словно говоривший уже полностью проснулся.

Несмотря на то что Орам все еще носил мягкий белый комбинезон для гиперсна, он явно находился в лучшей форме, чем Дэниелс: лишь слегка вспотел и совершенно не выглядел больным. Вопреки его subtilной внешности, и голос, и хватка Кристофера оказались сильными. И Ораму явно некогда было нянчиться ни с Дэниелс, ни с кем-либо еще.

– Просыпайся! Дэниелс! Просыпайся! У меня нет на это времени. Ты мне нужна – мне все нужно – прямо сейчас! Мы получили серьезные повреждения, и... – он оглянулся на еще одного только что проснувшегося члена команды, который ковылял в их сторону. – Теннесси, иди сюда, помогай. Я должен проверить остальных!

Орам оставил все еще не совсем пришедшую в себя Дэниелс на попечение Теннесси и поспешил к очередной камере, которая еще только открывалась.

– Давай, милая, – Теннесси, старый друг и сослуживец, помог ей выбраться из капсулы и поддержал. – У Джейкоба проблемы.

Теннесси был крупным мощным мужчиной, с головой, покрытой густыми черными кудрями, и бородой, которую, судя по ее виду, скорее подрубали топором, а не подстригали. Из-за этого он производил впечатление человека, которого никто не хотел бы повстречать в темном переулке за баром – хотя на самом деле был квалифицированным пилотом корабля-колонии. Когда он нервничал или заводился, то мог и выражаться не хуже того типа из подворотни. В комбинезоне для сна Теннесси походил на гигантского плюшевого мишку, хотя и необычайно встревоженного. Наклонившись ближе, он настойчиво сказал:

– Джейкобу нужна наша помощь.

Это стало последней каплей, которая помогла Дэниелс очнуться окончательно. Она резко обернулась к соседней капсуле, принадлежавшей Джейкобу. В отличие от почти всех остальных в отсеке, капсула оставалась закрытой. Муж Дэниелс недвижно лежал внутри, все еще скованный дремотными объятиями гиперсна. Он улыбался – это было нормально. Под прозрачной крышкой начали появляться кружащиеся облачка тумана, закрывая обзор. Подобное совершенно определенно нормальным не было. Что хуже, Дэниелс знала, что это означает, и что произойдет, если...

– ОТКРЫВАЙТЕ!

Когда повторная попытка включить внешнее управление капсулы не принесла результата, Теннесси взялся за ручной контроль. Он тянул за рычаги, крутил их, налегал всем весом, но безуспешно. Они даже не шелохнулись. Увидев, что происходит, вернулся Орам и начал пробовать все, что только приходило на ум, чтобы добиться реакции от систем управления капсулы.

Не сработало ничего. Единственным результатом стало увеличение количества пара внутри и его уплотнение. В основании капсулы гиперсна, там, где она крепилась к палубе, внезапно вырвался сноп искр, и раздалось потрескивание.

Лицо Джейкоба дернулось: началась процедура выхода из сна. Программы капсулы пытались выполнить все отчаянные команды Орама с внешних пультов. Не в силах двинуться, муж Дэниелс, пойманный между механической неисправностью и нехваткой времени, ничем не мог себе помочь.

– В сторону! С дороги!

К ним присоединился сержант Лопе. Седеющая борода придавала ему вид доброго дедушки. Дедушки, который в состоянии был разобрать на части трех противников разом. Будучи опытным главой воинского подразделения, приданного в помощь корабельной команде, поджарый профессиональный солдат не мог сравниться с теми, кто пытались спасти Джейкоба, в технических знаниях. Вместо этого Лопе добавил к их усилиям более примитивные, но не менее полезные навыки.

Он схватил механический зажим, который команда по старинке называла «челюсти жизни»[8 - Видимо, речь идет об аналоге гидравлического спасательного инструмента.], всадил один его конец в нерабочий замок капсулы и быстро установил под нужным углом.

– Закрепи со своей стороны! – заорал Лопе, обращаясь к Теннесси.

Вдвоем они наконец смогли закрепить спасательный инструмент на капсуле. Все зажимы и вакуумные замки должны были держаться крепко – частичный успех ничего не дал бы. Под напором инструмента капсула откроется полностью или не откроется вовсе. Стиснув зубы, мужчины навалились на механизм изо всех сил. Не имело значения, сломают они капсулу – на борту для такого случая хранились запасные. Дэниелс, которой отчаяние добавляло сил, присоединилась к ним. Ничего не произошло.

Внутри капсулы раздался взрыв. В сравнении с какофонией звуков, заполнявшей отсек гиперсна, он прозвучал негромко, но этого хватило, чтобы мужчины инстинктивно отскочили. По другую сторону прозрачной панели пара внезапно стало больше, и... впервые показался огонь. Испустив жалобный вой, Дэниелс бросилась на капсулу, отчаянно вцепившись в оказавшийся бесполезным спасательный механизм.

Глаза ее мужа внезапно открылись – он, наконец, начал просыпаться. Сквозь пар и все усиливающиеся языки пламени на его лице проступило узнавание. Их взгляды встретились. Это длилось не дольше секунды – взгляд и его улыбка. Последний взгляд и последняя улыбка.

Дэниелс продолжала кричать, а внутренности капсулы взорвались огнем так, словно кто-то бросил факел в груды горючих материалов. Внутренняя отделка камеры создавалась пожароустойчивой, но когда она, наконец, занялась, то горела жарко и быстро. Воспламенилось все: кровать, трубки жизнеобеспечения, инструменты... Джейкоб.

Системы пожаротушения были разбросаны по всему отсеку, но не внутри индивидуальных камер. Те были спроектированы так, чтобы легко и быстро открываться: через активацию или, если нужно, с использованием безотказных приборов. В худшем случае их можно было вскрыть специальным спасательным инструментом вроде того, которым воспользовались Лопе и Теннесси. И который не смог исполнить свою работу.

Потребовалась вся немалая сила Теннесси, чтобы оторвать Дэниелс от капсулы и отвести в сторону от запертой внутри преисподней. Плотная закрытая капсула, отказавшись открываться, хранила огонь внутри.

Пытаясь хоть как-то облегчить чужую боль, Теннесси обнял плачущую навзрыд Дэниелс и не выпускал ее из рук. Ораму и Лопе, чьи усилия ни к чему не привели, оставалось только смотреть. Ни знаний Орама, ни силы сержанта не хватило, чтобы открыть капсулу.

«Еще бы немного времени...» – думал Орам.

Время. Его не хватило, чтобы спасти жизнь человека. Теперь Ораму предстояло действовать быстро, чтобы выжили остальные. Тысячи людей. Орам заметил пару проснувшихся рядовых неподалеку от Лопе: обросшего бородой толстогубого, плотно сложенного Коула и более стройного моложавого Ледварда. Им он приказал позаботиться об останках Джейкоба. Затем они вместе с сержантом целеустремленно направились в корабельные ясли.

***

Вид отсека повергал в шок. Вынести эту сцену помогало только осознание того, что могло быть и хуже.

Секция капсул гиперсна оторвалась от креплений и обрушилась на пол. Несмотря на прочную конструкцию, некоторые из них треснули, обрекая своих обитателей на незавершенное пробуждение, которое стало смертельным. У других полностью отскочили люки, и жители капсул вывалились наружу. Эти тоже были мертвы. Проснувшиеся члены экипажа пытались справиться с источниками пробоев в сетях и отключить питание у капсул, которые были уже бесполезны, но их провода продолжали искрить.

Еще двое пробудившихся рядовых бродили по разрушенной секции в поисках наименее поврежденных капсул и тех людей, что могли пережить катастрофу. Орам узнал вечно серьезную Розенталь, чья привлекательность соперничала с холодным профессионализмом. Вторым был такой же юный, но светловолосый Анкор. Лопе покинул Орама и перешел к подчиненным, чтобы проконтролировать их работу.

Отведя взгляд от результатов аварии, Орам увидел Карин, которая занималась проверкой ячеек с эмбрионами. Ее светло-русые волосы почти светились на фоне темной кожи. То, что Карин заметила появление мужа, нашло выражение лишь в коротком взгляде на него, после чего она осталась стоять там, где стояла, и продолжила работу. Убедиться в жизнеспособности эмбрионов для нее было гораздо важнее всего остального. Ее заботы и интересы лежали в биосфере корабля, не в его механике.

У нее была своя работа, у Орама – своя.

Он знал, что в эту минуту она ему не завидовала.

***

После, оставив отсек гиперсна заботам Лопе и его команды, Орам и Карин приостановились перед дверью на залитый светом мостик.

Настал миг, которого Орам отчаянно не желал. Неважно, что его к этому готовили, что он обладал необходимыми навыками. Орам бы многое отдал,

чтобы спать в своей капсуле, ожидая конечного – и куда менее вредного для здоровья – пробуждения в пункте назначения.

«Тем не менее слишком часто не мы что-то выбираем, а что-то выбирает за нас. Джейкоб был...»

Карин положила руку ему на плечо.

– Теперь они – твоя команда. Им нужен лидер. Выбора нет. Ты это знал, когда мы подписывались на полет, – она мягко, ободряюще улыбнулась. – Крис, ты справишься. Ты всегда справлялся.

С этими словами она оставила его одного и прошла на мостик. Еще один член экипажа, который присоединился к остальным. Но, разумеется, она не была «просто еще одним членом экипажа». Не для него.

Конечно, Карин была права. Как обычно. Даже если у Орама были собственные желания, он подписал контракт. Потратив секунду на то, чтобы подготовиться, он последовал за Карин.

Расположенная в центре помещения навигационная консоль была в какой-то мере анахронизмом, как и остальные панели управления, выстроившиеся вдоль дальней стены мостика. На межзвездном корабле-колонии информация без промедления становилась доступна любому, кто не спал и осознавал происходящее. Все, что требовалось – это говорить достаточно громко, чтобы услышала Мать. Таким образом, мостик казался пережитком времен, когда контакт между людьми мог происходить только при встрече, лицом к лицу.

И все же тем, кто изучал, проектировал и строил подобные корабли, было виднее. Чем длиннее был путь, тем важнее становилось межличностное общение. Переговоры через наручные коммуникаторы или вездесущие корабельные системы проходили быстро и эффективно, но ничто из этого не давало разрядки на уровне человеческой психики. В бесстрастной пустоте межзвездного пространства близость улыбки, запах, капли пота на чужом лице помогали сохранять человечность. Ментальное здоровье экипажа было не менее важно, чем техническое состояние корабля.

Поэтому здесь стояли и консоли, и привинченные к полу кресла, так что по ходу работы все неизбежно смотрели на других людей, слушали их и случайно касались – чтобы надежно удостовериться, что твой сосед из плоти и крови, а не голограмма из корабельной базы данных. Или дурной гиперсон.

Орам занял свое место. На мостике собралась бо?льшая часть людей, занимавших ключевые посты. Разумеется, парами – за исключением Уолтера. Только пары служили в экипаже корабля-колонии. Пары обеспечивали точность исследований и внимание к деталям. Не говоря уже о здоровом рассудке.

Официально Орам еще не вступил в должность капитана, но он уже отказался от прежней позиции главы отдела биологических наук, передав ее жене. Трагическая ситуация и стечение обстоятельств навязали ему капитанский пост, и Ораму было не по себе. Если бы не присутствие Карин, которая поддерживала его и направляла, он вполне мог бы отказаться от ответственности, контракт там или не контракт... Но Карин сидела рядом, тихая и уверенная, сметливая и изобретательная в случаях, когда он сомневался. Порой его неловкость воспринималась другими членами экипажа как заносчивость. С этим Орам поделаться ничего не мог, таким уж он был. Орам мог бы подвести остальных, но с Карин он бы так не поступил.

Теннесси не столько сидел в своем кресле, сколько лениво в нем развалился. Так он вел себя везде. Орам завидовал способности крупного добродушного пилота расслабиться. Кто-то мог бы счесть такое поведение признаком безразличия, но для Орама это было знаком, что пилот находится в мире с собой и Вселенной. Полезное качество, и сейчас более, чем когда-либо. Независимо от обстоятельств, Орам мог положиться на то, что пилот выполнит приказ правильно и без вопросов.

Если бы не дружба и эмоциональная стойкость Теннесси, бедняга Дэниелс сейчас, скорее всего, находилась бы в лазарете.

Фарис была такой же беззаботной, как и ее супруг. Деревенская девушка, которая предпочитала не уточнять название деревни, была даже лучшим пилотом, чем ее муж, о чем пара частенько беззлобно спорила. Их пылкие и временами непристойные поддразнивания оживляли каждый период бодрствования экипажа. До отлета с Земли колючий обмен любезностями между пилотами вызывал озабоченность администрации, но потом там осознали, что пикировки между мужем и женой никогда не были враждебными, супруги

просто упражнялись в остроумии.

Апворт и Рикс являлись самой молодой – причем молодой с запасом – парой за столом. Их юность тем не менее не вредила навыкам, которые охватывали навигацию и связь.

Апворт в особенности легко злилась на любые намеки о том, что она недостаточно квалифицирована для своей должности. Возможно, потому, что из-за больших глаз, пухлых губ и малого роста она выглядела даже моложе своих лет. Теннесси как-то раз назвал ее «бомбой, замаскированной под пупса», после чего Апворт пришлось искать значение слова «пупс» в корабельной библиотеке.

Если у нее и был недостаток, так это склонность искать нестандартные решения тех проблем, для которых уже существовали инструкции. Что до более серьезного Рикса, то он был тихим, компетентным и куда более склонным делать все по учебнику. Он исполнял функцию графитового стержня для слишком быстрого порой реактора Апворт.

Когда речь заходила о непредвиденных ситуациях, сам Орам предпочитал следовать установленной процедуре, и только потом, если это не сработает, пытаться импровизировать. Так же относилась к этому и его жена. Так что в этом смысле Рикс был Ораму ближе. И все же, вопреки привычке Апворт сходить с курса, он испытывал только уважение к любой недавно поженившейся паре, которая решила отказаться от жизни на Земле в пользу колонизации.

Лопе предпочитал стоять, а не сидеть. Будучи старым солдатом, он занимал пост главы службы безопасности «Завета», а в перспективе и колонии. Своего спутника жизни и коллегу, менее впечатляющего внешне, но более молодого и такого же хорошего профессионала сержанта Халлета он обогнал всего на одну полосу.

Халлет прибыл последним, слегка запыхавшись и с извиняющимся выражением на лице.

– Простите за опоздание, сэр, – сказал он, встав рядом с начальником.

На пальце в свете потолочных ламп блеснуло кольцо, полностью идентичное тому, что носил сержант.

Орам отмахнулся от извинения – в такое время не было смысла следовать протоколу. Прокашлявшись несколько раз, чтобы прочистить горло, он поочередно посмотрел на каждого из собравшихся и заговорил. Голос его звучал мрачно.

– Скажу прямо: мы пережили страшную катастрофу. Потеряли как членов экипажа, так и колонистов. Я – ваш новый капитан, – напряжение в голосе выросло. – Я этого не просил, я этого не хотел, но так случилось. Я приложу все силы, чтобы соответствовать высочайшей планке, которую задал Джейкоб.

Ощущая, что на него устремлены выжидающие взгляды, он попытался подыскать еще несколько слов. Орам с тоской осознавал, что прогонять биосканирование на спящих биологических образцах было бесконечно проще, чем говорить с живыми образцами. В поисках чего-то яркого, вдохновляющего, он натыкался только на банальности.

Придется обойтись ими.

– Нам будет его чрезвычайно не хватать, – продолжил Орам. – У нас много работы. Заранее благодарю вас за поддержку.

«Вот так».

Он исполнил свой долг в том, что касалось эмоциональных потребностей на текущий момент. По лицам окружающих он видел, что если его слова и не вдохновляли слушателей, то их хотя бы сочли достаточными. С чувством глубокого облегчения Орам перешел к конкретным вопросам.

– Учитывая, что удар обрушился буквально из ниоткуда, мы в лучшем состоянии, чем можно было бы представить. Структурная целостность держится на уровне девяноста трех процентов, хотя некоторые вспомогательные системы все еще не работают. Мы потеряли сорок семь колонистов, шестнадцать эмбрионов второго поколения, и, как вы все знаете, одного члена экипажа. Еще шестьдесят две капсулы повреждены, но их еще можно использовать повторно.

– Использовать повторно? – Апворт редко обходилась без сарказма, если разговор длился достаточно долго.

– Починить, если вам так больше нравится, – Орам сжал губы. – Суть в том, что больше потерь нет.

Он знал, что в этом и была проблема с капсулами гиперсна. Они или работали, или нет. Не было промежуточных состояний ни для технологии, ни для спящего человека. Хотя ему доводилось слышать, что в некоторых редчайших случаях могло оказаться иначе – и тогда последствия были кошмарными. Чинить поврежденную капсулу с человеком внутри было все равно, что карабкаться на крутую гору.

На «Завете» никаких «иначе» не будет. По крайней мере, пока он капитан.

– Так что это было? Что случилось? – Теннесси быстро сменил тему. – Дайте угадаю. Мать забежала в кибернетический галльон, и мы на что-то налетели, пока она избавлялась от лишних байтов?

На лицах Розенталь и Коула мелькнули улыбки, но никто не рассмеялся.

Довольный возвращением разговора к техническим проблемам, Орам предоставил объяснение Уолтеру.

– Корабль подвергся удару волны заряженных частиц, засечь которую сенсорами дальнего радиуса действия оказалось невозможно из-за плотного облака излучающих частиц в непосредственной близости к нам. Вот почему волна была обнаружена только тогда, когда она нас уже почти полностью охватила. Образно выражаясь. Волна ударила, прежде чем корабль успел втянуть коллекторы, и мы получили полный заряд. Если бы мы...

– Почему ты не следил за датчиками? – сердито прервал его Орам. – Ведь вы с Матерью здесь именно для этого?

– Это верно, – признал Уолтер. – И еще для многого другого. У меня нет оправданий, только объяснение. Все системы слежения были включены и полностью работоспособны. Я, как обычно, занимался обслуживанием. Однако не существует прецедента или процедуры для обнаружения или противостояния заряженным частицам, присутствие которых маскируется другими схожими полями. Предполагалось, что в глубоком космосе вероятность подобного

сочетания окажется слишком незначительной, чтобы представлять угрозу, – Уолтер сделал небольшую паузу. – Очевидно, предположения были ошибочными. Или же, если мы отвлечемся от технического языка, нам не повезло.

– Уолтер прав, – поддержала синтета отзывчивая Фарис. – Нам не повезло. Даже лучшим пилотам порой не везет, – она улыбнулась Уолтеру. – Или лучшим синтетам.

Подобное Орам принимать отказывался.

– Нет-нет. Я не верю в удачу, добрую или злую. Глубокий космос – последнее место, где стоит полагаться на удачу. Я предпочел бы, чтобы мы были способными и предусмотрительными, а не удачливыми.

Его жена пожала плечами и сложила руки на груди.

– Я уверена, что создатели «Завета» приняли это во внимание, когда составляли и настраивали программы корабля.

– Поиск виновного – если это можно так назвать – ни к чему хорошему не приведет, – всегда можно было положиться на Теннесси, если требовалось вернуть разговор в нужную колею.

Поняв, что дальнейшие обвинения бессмысленны, Орам решил принять объяснение, хотя бы и неудовлетворительное, и двинуться дальше. Эту проблему он сможет обсудить с Уолтером позже, когда будут приняты остальные важные решения и предприняты нужные действия. Обсудить – и подготовить доклад по происшествию для отправки на Землю. А пока что он заговорил о другом:

– Нам осталось... сколько, восемь циклов перезарядки, прежде чем доберемся до Оригаэ-Шесть? Так давайте этим займемся. Порванные участки коллекторов нужно починить или заменить, это же относится ко всем остальным повреждениям. Все основные модули должны работать, прежде чем мы совершим новый прыжок.

Последовала неуютная тишина. Орам чувствовал, что остальные снова ждут, что он скажет что-то еще. Что-то совсем другое. Но что? Карин пыталась подсказать выражением лица, но даже ради спасения жизни он не смог бы понять, на что она намекает.

Это было в некотором роде странно, но то, о чем думали все, кроме Орама, высказал Уолтер.

– Следует ли назначить время погребальной церемонии, сэр? Для погибших?

И это все? Нет, частично Орам понимал и даже разделял эти чувства, но руководила его действиями прагматичная, деловая сторона сознания.

– Сначала следует заняться необходимым ремонтом, – ответил капитан и добавил: – Я с не меньшим уважением отношусь к ушедшим, но больше забочусь о живых.

Несмотря на то что служба безопасности формально находилась под командованием капитана, она пользовалась некоторой степенью независимости, которой не было у прочих сотрудников. И как представитель этой службы Лопе никогда не стеснялся высказывать свое мнение.

– Мы только что потеряли сорок семь колонистов и нашего капитана, – сказал он мрачным голосом. – Это еще предстоит осознать.

Раздраженный возражением сержанта, Орам повернулся к жене. В этот раз она не тратила время на бессловесные намеки.

– Он прав, Кристофер.

Орама это не убедило.

– А если мы не займемся ремонтом как можно скорее, то можем потерять вообще всех колонистов, – он оглядел комнату. – Перспектива, дамы и господа. Большое благо – большому количеству, и нечего тут кругами ходить.

На шутку никто не отреагировал, и Ораму стало еще больше не по себе.

- Нам нужно что-то организовать хотя бы для капитана Бренсона.

То, что протест, пусть и в такой мягкой форме, пришел от обычно готового поддержать Теннесси, только заставило Орама занять еще более жесткую позицию. Или он установит свою власть здесь и сейчас, или его решения будут постоянно оспариваться на протяжении всего оставшегося пути. Возможно, время для подобного поступка было не идеальным, и предмет спора не слишком годился, чтобы настаивать на своем, но не Орам выбирал обстоятельства, а они - его.

- Нет. Это не прения. Решение принято. Я не вижу причин для продолжения дискуссии.

Его жена опустила взгляд, испытывая неловкость за мужа. В то же время она отчетливо понимала, что худшее, что она могла сейчас сделать для его авторитета - это поддержать команду. Поэтому она молчала.

Дэниелс выбрала именно этот, едва ли не самый неловкий, момент, чтобы присоединиться к команде. Никто ничего не сказал, и так было лучше всего. Сначала - дело, утешения и скорбь - потом.

Дэниелс выглядела разбитой, напряженной. Заняв место рядом с креслом, чья пустота бросалась в глаза, она переводила взгляд с одного человека на другого. Но когда заговорила, голос был твердым.

- Модуль с оборудованием для терраформирования в порядке, хотя... хм... досталось соединительным распоркам. Не могу сказать точнее без осмотра за пределами корабля.

- Я могу сделать это удаленно, - заверил ее Уолтер. - Если бы произошло что-то серьезное, Мать бы уже сообщила.

Дэниелс кивнула.

- Мне еще нужно проверить крепления тяжелых механизмов и техники. Мелочь меня не беспокоит: если что-то сорвалось, мы просто вернем все на место. На мониторах в ангаре не видно повреждений, но я хочу убедиться лично. Тряхнуло

нас весьма крепко.

– Если хотите, я тоже могу помочь, – сказал Уолтер. – Мать сообщит, если я понадобится где-нибудь еще.

Дэниелс бросила на синтета короткий взгляд:

– Спасибо.

– Через какое время мы сможем выполнить следующий прыжок? – спросил Уолтера Орам.

– Точнее я смогу сказать через несколько часов, поскольку Мать все еще собирает итоговые отчеты о повреждениях. Нам придется остаться тут, пока не завершится зарядка. Разумеется, починка коллекторов ускорит отбытие. Предполагая, что наиболее серьезные проблемы решатся достаточно быстро, я бы сказал, что мы сможем продолжить путь уже через несколько дней.

– Нам следует предпринять попытку покинуть этот сектор, – продолжал он, – как только будет завершен необходимый ремонт. На случай, если произойдут новые вспышки, которые окажутся такими же незаметными, как и та, что по нам только что ударила. Менее важные работы можно будет провести по дороге.

– Согласен, – Орам обвел собравшихся взглядом. – Мелочи мы сможем починить, когда выйдем из прыжка для перезарядки в следующий раз. За работу.

План действий был готов. Для Орама это было облегчением – все равно что проглотить таблетку от запора.

– Все свободны.

Орам краем глаза увидел, как Теннеси саркастически повторяет одними губами: «Все свободны?», но решил не заострять на этом внимания. Члены экипажа начали расходиться по своим постам. Когда Дэниелс поднялась, чтобы последовать за остальными, Орам тихо ее окликнул:

– Дэнни? На пару слов, пока ты не ушла.

Она опустилась обратно на свое место, пока мостик покидали последние сослуживцы. Орам наклонился через стол к Дэниелс и заговорил очень серьезно, понизив голос. В своей неуклюжей манере он старался ее утешить.

– Я понимаю, что слова тут бесполезны, но мне очень, очень жаль. Он был прирожденным лидером и замечательным человеком. Ты знаешь, мы не всегда сходились во мнениях, но даже когда мы не соглашались по какому-то техническому вопросу, я всегда уважал его мнение. Когда его позиция отличалась от моей, Джейкоб всегда элегантно ее формулировал. В конце концов ему всегда удавалось склонить людей к собственному видению, и Джейкоб справлялся с этим без давления. И не прибегая к рангу в качестве аргумента. Для меня было честью с ним работать.

Дэниелс попыталась выдавить улыбку.

– Спасибо, Крис. И Джейкоб тоже был бы благодарен.

– Тебе следует взять несколько дней отгула, – голос Орама изменился. Теперь он говорил твердо.

– Я бы предпочла чем-нибудь заниматься, – улыбка Дэниелс, и без того слабая, тут же исчезла.

– Это не просьба, – Орам старался говорить ровным голосом, чтобы тон не противоречил прежнему, сочувственному.

Дэниелс уставилась на него в ответ. Орам знал, что в обычной ситуации она бы не стала молчать, проявила больше дерзости, но сейчас у Дэниелс не было на это сил. Выражение ее лица побудило Орама объясниться.

– Теперь я отвечаю за миссию, – напомнил он, – а также за жизни и здоровье каждого человека на борту, будь это команда или спящие колонисты. Я не предполагал, что окажусь в этой роли, и мне нужна помощь каждого из вас. Это значит, что мне нужно, чтобы каждый находился в наилучшей форме, включая тебя, – Орам попробовал улыбнуться. – Обычно отдых больше всего нужен именно тогда, когда его не хотят. Возьми несколько дней. Чтобы выплакаться, хорошо?

Дэниелс уставилась на него, открыв рот.

– «Выплакаться»? У меня есть идея, Крис... капитан. Может быть, она окажется полезной. Как насчет того, что я буду скорбеть о потере мужа по-своему? Не думаю, что это нарушит какие-либо формальные инструкции из общего руководства... сэр.

Поднявшись из кресла, она резко повернулась и быстро вышла с мостика следом за своими товарищами по службе.

Глядя ей вслед, Орам осознал, что справился с этим делом хуже, чем мог бы.

«Новичок я в таких делах...»

Это он признавал. И не то чтобы подобное признание помогло. Совсем недавно он был членом экипажа, а теперь, со смертью Джейкоба Бренсона, между ним и товарищами разверзлась неизбежная пропасть. С этим было ничего не поделать. Так работала иерархия.

Помощь Карин требовалась ему больше, чем когда-либо.

Орам достал из кармана два металлических шарика для снятия стресса и стал отстраненно крутить их в ладони, слушая щелчки, когда шарики сталкивались. Он не мог позволить происшествиям, вроде стычки с Дэниелс, отвлекать себя от исполнения новых обязанностей. С этого момента все зависело от концентрации, концентрации и еще раз концентрации. Это означало, что нужно сохранять спокойствие и скрупулезно изучать каждую ситуацию, будь то человеческое взаимодействие или инженерный доклад. Несмотря на новую должность и обязанности, Орам очень хотел сохранить дружбу с остальными членами экипажа.

Только время покажет, получится у него это или нет.

***

Выбравшись из технического шлюза, Теннеси и Анкор двинулись прочь от массивного корпуса «Завета». В черноте межзвездного пространства, одетые в ярко-желтые, увешанные инструментами скафандры, в огромных шлемах, предназначенных для работы в опасных условиях, мужчины походили на исполинских одноглазых стрекоз. Внешние антенны могли бы закрепить сходство, но в качестве меры безопасности все приборы, включая множество средств вывода информации, были встроены в скафандр и шлем. Округлая форма скафандров позволяла столкнуться с кораблем или иным плотным объектом без риска вывихнуть или сломать что-нибудь важное.

Теннеси проложил курс, который должен был привести его к вершине растянутого коллектора, а Анкор направился к основанию мачты. У каждого была своя, заранее оговоренная задача. Если не случится ничего непредвиденного, не было нужды работать вдвоем. Они знали свое дело. Разделиться стоило, чтобы необходимая работа была выполнена вдвое быстрее.

Вокруг раскинулся простор космоса: бесконечная мешанина звезд и туманностей, сияющая и невыразимо прекрасная. Картина внушала тем большее восхищение, что для них видимое пространство действительно не имело границ. Потрясающее великолепие Вселенной простиралось почти беспредельно в любом направлении, и этот вид не портило присутствие близкой планеты или луны.

Прекрасная равнодушная холодная пустота, от которой их отделяли лишь скафандры. Космонавты одновременно испытывали восторг и страх. Но сосредоточенность на работе всегда помогала не отвлекаться, хотя Теннеси и не удержался от того, чтобы озвучить впечатления:

– Черт подери! Вам бы всем на это поглядеть.

Из динамиков его скафандра раздался чистый и знакомый голос Апворт.

– Ничего мы не увидим, пока вы не почините сеть внешних камер. И все равно это будет не то. Смотреть на проекцию и быть снаружи – слишком уж разные вещи.

– Проекция-шмоекция, почему бы тебе не выглянуть в чертово окно, милочка?

После этого Теннесси переключился на межскафандровую связь.

– Анкор, давай включим питание, чтобы эти бедолаги в своей консервной банке могли полюбоваться зрелищем. Я бросаю попытки его описать, – он замолчал на секунду, чтобы проверить данные, сиявшие перед глазами. – Дай знать, когда доберешься до места.

– Я уже и так на месте, – отозвался его товарищ, как всегда не терявший времени даром. – Вероятно, потому что не сачкую, любуюсь видами. За работу.

Ухмыляясь, Теннесси при помощи энергетического резака отсек поврежденный участок на одной из панелей коллектора и потянул. Несмотря на то что лоскут прозрачного материала был намного больше крошечной фигуры человека в скафандре, он обладал меньшей массой. Одного рывка Теннесси хватило, чтобы порванный лоскут, который он только что отрезал, поплыл прочь от панели и от «Завета».

Выпустив немного нитеобразного кабеля, Теннесси запустил двигатель скафандра и, быстро ускоряясь, направился к дальнему концу мачты. На то, чтобы пересечь свободную от коллектора бездну, потребовалось немало времени. Добравшись до конца поврежденной зоны, он закрепил кабель и просигналил Анкору, который сразу же начал туго стягивать починенный коллектор.

«Хорошее начало, – сказал себе Теннесси. – Теперь повертеться, провернуть космос вокруг головы, постараться не заработать головокружение, повторить».

Двигаясь как одно целое, мужчины методично переместились к следующему участку коллектора, который нуждался в починке.

Помещения и коридоры колонизационного корабля были просторными, чтобы не создавать дополнительного давления на человеческую психику, хотя для колонистов это не имело значения. Они спали в капсулах, не обращая ни на что внимания, зная, что не проснутся, пока корабль не достигнет цели. Временным гробам лишнее пространство было ни к чему. Все, что от них требовалось – это чтобы внутри мог удобно улечься человек, а также хватило места для механизмов и приборов, которые обеспечивали поддержание жизни в биологической стране грез, называемой гиперсном. Соответственно, колонистов можно было размещать – и их размещали – так плотно, как только позволяли технологии.

Для проснувшейся команды все было иначе.

Чем бы экипаж ни занимался – обслуживанием, проверками, перезарядкой или прочими работами на борту, – важно было сделать так, чтобы все могли свободно перемещаться. К тому же было необходимо личное пространство для отдыха. Иначе, невзирая на красоту космоса, сам факт пребывания в десятках, а то и сотнях световых лет от ближайшей планеты с пригодной для дыхания атмосферой, журчащими ручьями и прохладными дождями, мог незаметно свести с ума даже самого тренированного и подготовленного профессионала.

Так что каюту Дэниелс, как и все прочие, построили настолько большой, насколько это было физически и экономически возможно. В ней было все, чего могла пожелать душа разумного существа – в разумных пределах. Свет в изголовье кровати можно было настраивать для чтения или под настроение – любого цвета, любого уровня яркости. Кровать располагалась у дальней стены под шестиугольным иллюминатором, за которым раскинулось бесконечное пространство космоса.

Впечатляющий вид, настраиваемый свет, невероятно удобная кровать. И ничто из этого не имело смысла, потому что, подобно всем каютам экипажа, эту создавали для мужа и жены. Относительная роскошь не улучшала настроения, а только напоминала Дэниелс о том, что она осталась лишь половинкой пары. Ее жизнь, как и ее брак, неожиданно и самым жестоким образом обрезали.

«Выплакаться», – сказал ей Орам. С точки зрения Дэниелс, подобный совет был эмоционально равен предложению сходить в туалет. И она настолько омертвела, что даже не дала ему пощечину. Хотя Дэниелс признавала, что все равно бы этого не сделала.

Для подобного она была слишком хорошо обучена. И, возможно, для плача тоже, даже если бы ей вдруг захотелось последовать такому совету. В работе по обслуживанию космического корабля эмоции скорее оборачивались помехой.

Дэниелс понимала, что не следует винить Орама за неловкие попытки утешить.

«Стоит ценить уже то, что он старался».

Нежеланная роль капитана досталась человеку, который не был занудой, но и не дотягивал до прирожденного лидера. Как и все прочие члены экипажа, Орам обладал великолепными знаниями в рамках своей специальности. Теперь же его вынудили действовать за пределами мира биологических наук, иметь дело с организмами более деятельными и своевольными, чем его возлюбленные образцы.

На губах Дэниелс мелькнула тень улыбки. Орам в роли капитана будет не так уж плох. Рядом всегда будет Карин, готовая дать тихий совет и предложить поправки. Не обращая внимания на россыпь звезд, Дэниелс уселась на большую двуспальную кровать. Та была настоящей, приятно тяжелой, что возможно было оценить только в рамках чуда искусственной гравитации. Никому на борту «Завета» не придется спать, плавая в сетке. И все-таки кровать уже не радовала. Дэниелс не могла заставить себя передвинуться с края к центру. За спиной маячил уютный простор, который уже невозможно было заполнить. Она обвела каюту безразличным взглядом. Рабочие ботинки Джейкоба стояли в открытом гардеробе рядом с ее собственными. Левый ботинок всегда был слева, правый – справа. Выше висела аккуратно расправленная одежда. Его – всегда слева, ее – справа. Рядом лежали любимая коллекция антикварных виниловых пластинок Джейкоба и любовно восстановленный проигрыватель. На запчасти для последнего на протяжении многих лет было разобрано несколько похожих приборов.

Также с ее места на краю кровати видно было снаряжение для скалолазания. Они приобрели его в надежде, что смогут вернуться к старому увлечению в новом мире. Ни один из них не был бы счастлив в мире без гор.

– Температура, геология не играют роли, – не раз говорил ей Джейкоб. – Где бы ни осела колония, там обязательно окажутся скалы, на которые можно залезть.

– А если это окажется водный мир? – шутливо возражала она. – Или такой старый, что все горы выветрились, и теперь планета плоская, как Великие равнины?

– В первом случае я построю стены из соли или мела. Во втором – навалю гору грязи и силицирую.

Джейкоб всегда был оптимистом. Никогда не унывал. Замечательные качества для капитана. Замечательные качества для мужа. Взгляд Дэниелс упал на распечатку внешнего облика его любимого проекта.

Бревенчатая хижина из прошлых веков.

Мечта ее мужа.

«Бывшего мужа, – поправила она себя мысленно. – Покойного мужа. Кремированного му...»

Дверь издала мелодичную нахальную трель.

Кто бы это мог быть в такой поздний час? Это была одна из обычных шуток Джейкоба. В межзвездном пространстве всегда царила ночь, но никогда не было совсем темно. Дэниелс поднялась и открыла дверь. На пороге стоял Уолтер, держа в руках небольшую коробку.

– Добрый вечер. Я не помешаю?

Приятный, вежливый, тактичный. Почему не он стал новым капитаном? Но подобное было невозможно. Независимо от качества программ, синтеты создавались, чтобы служить. Подчиняться, а не приказывать. Командовать – никогда. Дэниелс поколебалась, не прогнать ли его, но решила, что любое общество будет лучше одиночества в компании собственных мыслей.

– Нет. Заходи. Я рада тебя видеть.

Войдя, Уолтер подождал, пока дверь скользнет на место, и протянул Дэниелс коробку.

– Я кое-что принес.

Внутри обнаружили три идеально свернутых горючих химических направляющих цилиндра. Или, согласно на удивление стойкой терминологии из другой эпохи, три косяка. Дэниелс невольно улыбнулась.

– Климатические условия в Гидропонике превосходно подходят для роста конопли, – объяснил Уолтер преувеличенно серьезным тоном.

– Я могла бы достать те же каннабиноиды в виде таблетки.

– Верно, но мне кажется, что такой метод потребления обладает определенного рода эстетикой, которая может усилить общее действие и, следовательно, увеличить эффективность. Кроме того, он предполагает концентрацию сознания и движение пальцев для совершения действия. Что тоже является преимуществом по сравнению с приемом таблетки.

– Ты подумал обо всем.

– Я просто так запрограммирован.

«И на скромность тоже», – подумала Дэниелс и сказала:

– Неправда.

– Если позволишь...

Пауза длилась ровно столько, сколько было нужно. Дэниелс знала, что это тоже являлось результатом хорошего программирования, но ей было все равно.

– Я знаю, что постоянная занятость может помочь справиться с эмоциональной травмой. Принесет ли пользу возвращение к работе?

– Орам вычеркнул меня из расписания, – Дэниелс скривилась. – Приказ капитана. Реву, не работай.

– Я не предлагал ставить его в известность. Корабль велик. Очень много работы в отсеках, которые редко проверяют.

Она все еще сомневалась.

– Меня засекут датчики.

– Будет зависеть от места. Охранные системы покрывают большую часть отсеков, но не весь корабль. Кроме того, за это отвечает служба безопасности. Не думаю, что сержанта Лопе волнует, где ты проводишь время вынужденного простоя. Что же до нашего нового капитана, то у него огромное количество других обязанностей. Я помню, ты говорила, что хочешь проверить состояние тяжелого оборудования в ангаре терраформирования? Учитывая понесенный нами в целом урон, я согласен, что эта область нуждается в более тщательной проверке непосредственно на месте. Как я уже говорил, могу составить компанию, если захочешь.

Ответный взгляд Дэниелс был полон признательности.

***

Ангар терраформирования был огромен. Зажимы и ремни удерживали на месте гигантские машины самого разного вида. Им предстояло возвести колонию не просто в чистом поле, но и создать ее из самой почвы, на которой она будет стоять. По крайней мере, Дэниелс надеялась, что так и будет.

Идя с Уолтером по ангару, она с удовольствием отмечала, что все, кажется, в порядке, несмотря на резкое нарушение устойчивости корабля при входе в поток. Ни один плотно затянутый замок не открылся преждевременно, ни одна цепь или ремень не ослабли и не лопнули. Все стояло так же, как и сразу после загрузки на борт «Завета». Она отметила, что порой старая технология работала лучше всего. Электронные крепежи были сильнее и легче в обслуживании – если только не случалось перебоя в энергопитании. Но в веревке, на ее взгляд, было что-то простое, примитивное, функциональное и человеческое. Дэниелс улыбнулась своим мыслям. За отсутствием виноградных лоз сгодятся и механические замки, углеволокно и металлические цепи.

Они прошли вдоль одного ряда землеройных и камнедробильных машин, под угрожающе нависавшими колесами и гусеницами, потом повернули обратно вдоль второго. Как глава отдела терраформирования, Дэниелс знала названия, назначение и стоимость каждого механизма. Она помнила руководства по эксплуатации без необходимости консультироваться с корабельным компьютером, могла при необходимости определить конкретный узел или элемент на пульте управления в любой из кабин. Превосходная память стала одной из причин, по которой ее выбрали на эту должность. А еще она прекрасно осознавала пределы своих возможностей.

«В любом случае мы все лишь дублируем компьютеры».

Проверяя надежность креплений каждой машины, Дэниелс знала, что все это можно проделать удаленно. Но это не дало бы такого чувства профессионального удовлетворения. И она понимала не хуже Уолтера, что работа руками и одновременная концентрация сознания помогали ей не думать о...

– Это даже не было моей идеей, – сказала она синтезу, который без видимых усилий держался рядом. – Поначалу затея казалась мне глупой. Пустая потеря времени, которого к тому же у нас, вероятно, не будет, потому что как члены экипажа мы обязаны заботиться о том, чтобы сначала обустроились колонисты. Но у Джейкоба была мечта построить нам дом в новом мире. Такой же, как строили кое-где на Земле пионеры прошлого. Только с современными климатизатором, техникой и прочими удобствами нашего времени.

«Бревенчатые дома находили на всех континентах, где были деревья», – говорил он мне. Одна из первых построек, которые возводили не из камня или земли. И по изображениям, которые он мне показывал, выходило, что выглядели дома похоже, независимо от того, какой народ их строил. Настоящий кусочек человеческой истории.

Нагнувшись, она проверила замок на колесе размером с небольшой автомобиль. Он помогал удерживать на месте огромный экскаватор с лезвиями. Замок держался крепко.

– Вот чем он хотел заняться, – продолжила Дэниелс. – Как для собственного удовольствия, так и из уважения к ранним «колонистам». Домик у озера.

Настоящая романтика. Для него даже не имело значения, будет озеро природным или искусственным, но в выбранной для первичного терраформирования зоне на Оригаэ-Шесть нашлось одно настоящее, и притом огромное.

Обойдя экскаватор спереди, она проверила зажим, который охватывал нижнюю часть массивного колеса с другой стороны.

– Порядок.

– Порядок, – отозвался Уолтер, после собственного быстрого осмотра.

Они перешли к следующей гигантской машине в этом ряду.

– Я не вполне понимаю. С нами летит множество сборных помещений и для команды, и для колонистов. Есть проекты будущих изменений и дополнительных, более постоянных конструкций, а также планы по их возведению, как только найдется необходимое сырье, – синтез выглядел искренне сбитым с толку. – И все равно Джейкоб хотел построить дом из бревен?

– Да. Настоящую хижину, сделанную из настоящего дерева. Построенную в полном соответствии с историческими прототипами. Так что в грузовых трюмах вместе со всеми сборными конструкциями, о которых ты только что упомянул, в нашем персональном контейнере лежат всякие пилы, топоры и металлические гвозди.

Уолтер принял задумчивый вид.

– Металлические «гвозди». Поистине отсылка к прошлому. Что, если на Оригаэ-Шесть нет деревьев в нашем понимании?

Дэниелс испустила тихий смешок.

– Джейкоб говорил, что тогда он использует пластиковое литье для изготовления бревен, а потом окрасит их и придаст нужную структуру, чтобы выглядели как настоящие. Я всегда считала, что он знает, что делать, и как к этому подступиться. Что до меня, то у меня нет ни малейшего представления о

том, как строить дом из бревен.

Голос Дэниелс стих. Подняв глаза от машины для литья труб, которую как раз проверял, Уолтер направил фонарик на собеседницу. Взгляд Дэниелс, в который прокралась тоска, блуждал по громадным безмолвным механизмам, предназначенным для строительства колонии. Легким взмахом руки она обвела машину для литья и все прочие, стоявшие на приколе перед ней и Уолтером.

– Все это – лучшее, что могла дать нам Земля, чтобы построить новую жизнь. Для остальных членов команды оно имеет смысл. Для колонистов, разумеется, тоже. Но я... сейчас я задумалась – для чего стараться?

– У тебя нет выбора.

Дэниелс нахмурилась и посмотрела на синтета.

– Ты хочешь сказать, потому что я подписала контракт, по которому обязана принимать участие, вносить свой вклад как член экипажа?

– Нет. Потому что ты обещала построить хижину у озера.

Дэниелс внезапно почувствовала комок в горле.

– Это обещал Джейкоб. Он обещал построить дом.

– Весь экипаж «Завета» набирался из пар, – Уолтер смотрел прямо на нее с открытым лицом, и в его голосе звучало сочувствие. И он тут же поправился: – Весь человеческий экипаж. Он действует в парах. Командами. Если половина команды не может более исполнять свои обязанности, тогда вторая половина...

– Обязана взять их на себя в дополнение к собственным, – закончила за него Дэниелс. – Я не уверена, что постройка домика у озера на Оригаэ-Шесть попадает в эту категорию, но я приму это во внимание. Кто знает? Может, когда мы туда доберемся, когда я снова смогу дышать свежим воздухом и есть что-то кроме восстановленной пищи, то займусь изучением искусства постройки хижин. Возможно – только возможно! – я так и сделаю.

– Сделаешь.

Дэниелс похлопала Уолтера по руке. На ощупь его кожа казалась совершенно обычной, человеческой – как и предполагалось.

– Ты хороший друг, Уолтер. И если скажешь, что «просто так запрограммирован», я тебя стукну.

Уолтер промолчал. Уже по одному этому можно было судить о том, с каким мастерством были написаны его программы.

***

Мостик был пуст, за исключением Матери – но ее нельзя было увидеть. Мать была мостиком. На «Завете» она присутствовала везде и нигде, не имела физического воплощения, но всегда была готова ответить на приказ или запрос.

В заполненное приборами помещение вошел Орам. На вопросы, которые его изводили, корабельный компьютер ответить не мог. Разумеется, если бы компьютер спросили, он бы попытался. Иногда Орам испытывал искушение озвучить свои тревоги просто ради того, чтобы узнать, какой именно ответ придет от электроники, но никогда так не поступал. Во-первых, потому, что ответы могли оказаться верными, а во-вторых – потому что они могли вступить в противоречие с его собственными.

На его плечах висело легкое одеяло, в равной мере ненужное и здесь, и в каюте. Хотя температура и влажность индивидуальных кают настраивались в широких пределах, большая часть команды обходилась тем, что Мать считала подходящим для их возраста, физиологии и указанных личных предпочтений.

Сон на космическом корабле был личным делом – одним из немногих, – и Мать редко вторгалась в эту сферу с предложениями. Одеяла – да и любое иное постельное белье – считались излишеством, но они не занимали много места и считались полезными для психического здоровья экипажа. Так что если кому-то лучше спалось под простынями, ватным или обычным одеялом или искусственной овчиной, Компания с готовностью предоставляла такую возможность, если находились доказательства тому, что это улучшает

работоспособность и помогает сохранить здравый рассудок.

Под мышкой Орам нес старомодную печатную Библию, которая дарила ему столько же утешения, сколько и присутствие Матери с ее возможностями. В ладони второй руки ритмично постукивали металлические шарики. Орам мог бы запросить успокоительные лекарства, но он предпочитал шарики. Они, в отличие от наркотиков, были привычны и ненавязчивы. Оставался вопрос, формировали ли они такую же зависимость.

Укрытый накидкой, он, подобно пилигриму, с отсутствующим видом бродил по мостику, временами поглядывая то на одну консоль, то на другую, то на показания датчиков. В отсутствие членов экипажа на мостике царил покой, и все было готово к работе. Орам знал, что так оно и будет. Иначе Мать бы его предупредила.

И все равно он приостановился, увидев сообщение на одной из панелей. Системы показывали, что в главном отсеке по сбросу мусора что-то происходит. Заинтересовавшись, Орам включил соответствующий видеосигнал. Над консолью возникла яркая цветная проекция. Орам смотрел молча, чувствуя, как внутри него растет неодобрение – не из-за происходящего, а из-за того, что за этим скрывалось.

***

Дэниелс стояла в мусорном отсеке рядом с Уолтером. Внимание обоих было приковано к экрану, который показывал похожий на капсулу гроб, размещенный во внешнем шлюзе. Капсула-гроб готова была отправиться в безвоздушное пространство.

В отсеке царила полная тишина, пока, наконец, не заговорил Уолтер.

– Хочешь, я что-нибудь скажу? Я знаю множество похоронных обрядов разных видов. Кроме того, я способен на импровизации, основанные на моем личном знании покойного.

– Спасибо, не нужно, – пробормотала Дэниелс.

На короткое время снова наступила тишина.

– Если ты не испытываешь необходимости или желания проводить похоронный обряд, могу я спросить, зачем ты хотела, чтобы я пошел с тобой?

Дэниелс посмотрела на синтета.

– Как ты заметил в отсеке терраформирования, экипаж состоит из пар. В этом весь смысл... – она прервалась. – Я подумала, ты понимаешь, что такое одиночество. Я не думала, что ты об этом заговоришь, не совсем... я... я не знаю, чего я хотела. Но точно знаю, что не хотела проходить через это одна.

Обработав полученный ответ, Уолтер ощутил, что по-своему тронут. С точки зрения программы ситуация была... сложной.

Открылась дверь, и вошли Теннесси и Фарис.

Нельзя было сказать определенно, что Уолтер испытал облегчение, но их приход его порадовал. Сомневаясь, что одного его присутствия будет достаточно, чтобы приглушить чувство одиночества Дэниелс, Уолтер понимал, что у двух ее друзей шансов на это больше. Еще он был уверен, что бутылка виски и четыре стакана, которые принес Теннесси, могут дополнительно улучшить ее настроение.

Теннесси ухитрился заключить Дэниелс в свои медвежьи объятия, не уронив при этом ни бутылки, ни стаканов.

– Привет, милая, – мягко сказал он. – Ты как, держишься?

Отпустив Дэниелс, Теннесси бросил взгляд на жену. Дэниелс улыбнулась.

– Насколько возможно в такой ситуации, полагаю. Спасибо, что пришли. Вам обоим спасибо.

Теннесси поднял бутылку и смерил ее одобрителем взглядом.

– Его любимый. Хороший вкус.

Продемонстрировав замечательную для такого крупного человека ловкость, Теннесси наполнил стаканы для всех.

– Простой. «Ни льда, ни воды, ни спешки, ни еще какого дерьма». Джейкоб всегда так говорил, – он посмотрел на последнего из собравшихся, который еще оставался без виски. – Уолтер?

– В чужой монастырь... – синтет протянул руку за стаканом. Хотя спиртное не оказывало на него никакого действия с точки зрения физиологии, важно было поддержать дух товарищества.

– Аминь, брат, – Фарис коротко отсалютовала ему своим стаканом. – Вот что я считаю годным программированием.

После официальных глотков, сделанных как для того, чтобы воздать должное содержимому бутылки, так и для оживления атмосферы, Теннесси предложил более формальный тост.

– За всех хороших людей, ушедших слишком рано. Мы будем их помнить.

Ответ прозвучал слитно:

– Будем помнить.

За тостом последовало еще больше виски. Дэниелс быстро осушила стакан и повернулась к Уолтеру. Тот вложил все, что мог, во взгляд, понимая, что слова оказались бы ненужными и неподходящими. Или, что хуже, ошибочными.

Наконец Фарис мягко спросила:

– Хочешь, чтобы я это сделала?

– Нет. Спасибо, – Дэниелс сделала шаг вперед. – Это должна сделать я.

Посмотрев на гроб в последний раз, она протянула руку и нажала кнопку. Звуковые датчики передали одинокое шипение: из шлюза вырвался воздух, увлекая за собой и гроб. Внешняя камера показала, как капсула выстрелила

прочь от «Завета». Очень маленькую, крошечную на фоне огромного черного космического полотна капсулу почти сразу после выброса поглотила тьма. Стоя рядом с друзьями, Дэниелс смотрела, как гроб исчезает в пустоте вместе со светлым будущим, которое она прежде рисовала в воображении.

***

Со своего места на мостике Орам видел все, от первых мрачных секунд до последующего эмоционального подъема, обусловленного алкоголем. Он был недоволен. Его не пытались привлечь к процедуре похорон, какой бы короткой она ни оказалась. Его даже не поставили в известность. Технически никакие правила этим не нарушались, но подобное считалось дурным тоном. Капитана должны были бы поставить в известность заранее и спросить его разрешения – или хотя бы согласия.

Вместо этого четверка проделала все без него. Строго говоря, они ничего не скрывали. Скорее избегали внимания, как можно было заключить по тому, что и как именно произошло.

Капитаном Орам стал недавно и по случайному стечению обстоятельств. Если команда не уважала его в достаточной мере, чтобы известить о похоронах, это говорило о том, что его ждут трудности в управлении кораблем. Орам попытался отыскать возможные способы улучшить ситуацию, но на ум ничего не шло.

Шарики в руке защелкали быстрее. В тишине мостика стук звучал неестественно громко, но не настолько, чтобы заглушить раздавшийся позади голос. Несмотря на то, что голос был знаком, Орама он все равно удивил.

– Иди в кровать, Кристофер, – нежно, но настойчиво сказала Карин. На ней был комбинезон из легкой ткани, который не годился для работы, но прекрасно подходил для случайных прогулок.

– Давно ты там стоишь?

Женщина зевнула и улыбнулась.

– Достаточно.

Не глядя на нее, Орам кивнул на проекцию:

- Тогда ты знаешь, что там происходит? Видела, как они не подчинились моим приказам?

- Ты имеешь в виду, как Дэниелс похоронила мужа? Ц-ц-ц, как ей не стыдно.

Заметив, что муж все еще на нее не смотрит, Карин прошла вперед и встала так, что он больше не мог избегать ее взгляда – или ему пришлось бы уже открыто ее игнорировать.

- Когда мы доберемся до Оригаэ-Шесть, – напомнила она, – эти люди не останутся твоим экипажем. После того как «Завет» спишет, чтобы все могли принять участие в развитии колонии, и мы, и они станем колонистами, подобно всем, кто сейчас погружены в гиперсон. Они перестанут быть твоими подчиненными. И станут твоими соседями. Помни об этом. Потому что они – точно запомнят. Поэтому – ступай мягко. Когда колония оживет, ты будешь нуждаться в них больше, чем они в тебе, – она искательно заглянула ему в лицо. – Так что докапываться теперь до них за подсмотренное мелкое нарушение – не самый лучший вариант. Хорошо?

Орам еле заметно пожал плечами и так же тихо сказал:

- Ладно.

Разумеется, она была совершенно права. Карин всегда оказывалась права. Орам этого терпеть не мог, но он любил жену.

Карин нежно коснулась его лица, а потом протянула руку ладонью вверх. Ораму не было нужды спрашивать, зачем. Это повторялось много раз. Покорно вздохнув, он передал ей шарики. Карин сжала их в ладони, наклонилась и поцеловала Орама в щеку, после чего повернулась к выходу.

- Идешь? Кристофер, тебе нужно поспать, тогда ты станешь более отзывчивым капитаном. И после сна у тебя всегда улучшается характер.

- Мне нужно еще кое-что сделать. Ты иди, Карин. Я скоро.

Дождавшись, пока он выключит изображение из шлюза, Карин удовлетворенно, с одобрением кивнула и вышла. Орам тянул, пока жена не покинула мостик. Потом он собрался, встал на колени, закрыл глаза, сложил ладони вместе и начал молиться: посреди высокотехнологичного оборудования, окруженный радугой ярких сообщений, временами – под тихие голосовые сообщения. Случайный зритель сказал бы, что некому было оценить этот поступок.

Орам считал иначе.

***

Дэниелс знала, что пьяна. На это ей было плевать, но состояние не приносило радости. В переизбытке алкоголя она надеялась обрести не нирвану, а лишь отсутствие боли. Но, несмотря на активные усилия, ничего не выходило.

Соображала она плохо, но все еще могла испытывать эмоции.

«Проклятье, – подумала Дэниелс сквозь вызванную выпивкой пелену. – Почему я еще в сознании? В этой Вселенной не осталось справедливости?»

Из старинного проигрывателя лился трогательный голос Нэта Кинга Коула, который исполнял «Незабываемую». Любимая песня Джейкоба, которую они привыкли слушать в моменты тихой близости. Сейчас было тихо, но без близости.

Для нее требовались двое.

Двое – чтобы танцевать танго, двое – чтобы путешествовать, двое, чтобы – чтобы...

Вопреки ее желаниям, окружение становилось четче. Дэниелс убрала из шкафа одежду Джейкоба вместе со всем прочим, что принадлежало только ему: носки, простенькое ожерелье из ракушек, которое она для него сделала, рубашки, трусы, ботинки.

«Старьевщик у двери, дай дух перевести...»[9 - Автор использовал здесь фразу «Knick-knacks, paddywacks, give a girl a break...», обыгрывая строки «With a knick-knack paddywhack, Give the dog a bone» из старой песни под названием This old Man. Песня относится к голоду 1845 года в Ирландии, когда местное население вынуждено было выпрашивать милостыню или заниматься старьевщицеством.].

Дэниелс без раздумий прикончила остатки виски из принесенной Теннесси бутылки. Получив еще одну дозу жидкой силы воли, она начала увязывать рассортированные вещи в аккуратные пачки. И только полностью закончив с одеждой, нашла силы перейти к более личным предметам.

На полу соседствовали старые статичные фотографии и более современные образчики запечатленной реальности. Дэниелс разложила их полукругом перед собой и встала на колени, изучая мозаику своей прошлой жизни.

Порой она касалась отпечатанной карточки или проводила кончиком пальца по проекции, добавляя к виду тактильное ощущение. Ни на одну картинку она не смотрела дважды. Жадно поглощала каждую – в последний раз – и переходила к следующей.

Дойдя до особенно любимой пластинки с проекцией, Дэниелс замешкалась, решая, не пропустить ли ее. Но та просто требовала, чтобы ее включили. Так что Дэниелс ткнула ее большим пальцем и откинулась назад, чтобы просмотреть содержимое. Содержимое, которое было ей знакомо слишком хорошо.

Джейкоб стоял на фоне иззубренных склонов гор Гранд-Титон, которые врезались в чистое синее небо, как его любимые антикварные пилы – в дерево. Он смотрел на нее и улыбался. Он всегда улыбался.

– Эй, когда же ты сюда доберешься? Я скучаю! – полуобернувшись, он указал на ломаную гряду за спиной. – Посмотри на эти горы. Знаю, знаю, я обещал, что не буду лазать по ним без тебя, но – ты только посмотри на них! Я и отсюда чувствую гранит под пальцами. Тащи свою задницу сюда, или я не гарантирую...

Дэниелс протянула руку, и изображение застыло. Голос остался, но его заглушали рыдания. Впрочем, она знала слова наизусть.

***

Когда слезы иссякли, Дэниелс, глаза которой болели и горели, заставила себя все собрать. Картины, одежду, снаряжение для скалолазания – все. Все было готово к отправке на склад вместе с ее мечтами.

Осталась только небольшая коробочка с памятными вещами, которую она держала на комодe. В ней лежали мелочи, безделки, кусочки уже прожитой жизни. То, что имело значение только для нее одной.

Открыв коробку, она с любовью перебирала содержимое вещь за вещь: перстень, пачка старых совместных фото, пуговица, добытая Дэниелс с нелепого костюма середины двадцать первого века, в котором Джейкоб ходил на костюмированный бал. Несколько старых металлических гвоздей, которые он аккуратно добыл из обрушившейся шахтерской лачуги в вайомингской глуши.

Взяв гвоздь, она нашла кусочек шнурка – даже шнуркам нашлось место на борту космического корабля – и завязала один кончик как раз под шляпкой. У Джейкоба было старое ракушечное ожерелье, а у нее теперь будет гвоздь. Дэниелс повесила самодельное украшение на шею. Полоска старого железа холодила кожу.

Крепко обхватив гвоздь пальцами, Дэниелс закрыла глаза.

5

Невзирая на релятивизм, кажется, что время на космическом корабле и за его пределами течет одинаково. Так было и на «Завете», где продолжались тщательно просчитанные работы по починке тончайших энергетических коллекторов. На мостике теперь кипела работа: все члены экипажа занимали отведенные места. Рикс, Апворт, Уолтер и Фарис, несмотря на сосредоточенность и погруженность в работу, ухитрялись общаться, не поднимая голов.

Часть их сил и внимания уходила на отслеживание происходящего за бортом – сейчас это в основном относилось к Теннесси. В отличие от некоторых других людей, в его случае не было нужды проверять индивидуальные показания, чтобы убедиться в физическом и душевном здоровье. Теннесси обычно насвистывал, и это означало, что он чувствует себя хорошо.

Орам вошел на мостик, как раз когда Теннесси заканчивал починку одной из последних систем передачи энергии. Словно по сигналу, лампы, показания приборов, проекции и голограммы, которые работали на запасных источниках питания, внезапно стали ярче.

Облегчение, которое испытали присутствующие, отразилось и на лицах, и в воодушевленных словах. Апворт, ухмыляясь, заговорила в ближайший коммуникатор:

– Отличная работа, Ти. Мы на полной тяге, и, на первый взгляд, все снова работает, – она оглядела мостик. – Не припомню такого оживления с момента отлета из Солнечной системы, а ты все пропускаешь. Давай, возвращайся внутрь.

– Понял, – ответил Теннесси. – Не улетайте теперь без меня.

Фарис, сидящая за консолью, бросила взгляд на Апворт и отозвалась без запинки:

– Пожалуйста, давайте оставим его здесь. Теннесси все равно постоянно на своей орбите, так что ему снаружи наверняка будет просто отлично.

– Не могу, – Апворт, чья усмешка стала еще шире, покачала головой. – Оставить его, даже по очень уважительным причинам, противоречит правилам. Мне зарплату урежут.

– Какая тебе разница? Ты никогда не вернешься на Землю, так что забрать не получится.

– Она идет на мою любимую благотворительность, – Апворт проверила, как продвигаются дела у Теннесси, и с удовольствием отметила, что показания,

отражающие состояние и скафандра, и его обитателя в полном порядке. – Ну, ладно, тогда они могут срезать мое пособие на жилье на Оригаэ-Шесть. Кроме того, он нужен на борту. Помогает развеять скуку.

– Ну, это кому как, – с улыбкой возразила Фарис.

Их шуточный спор прервало появление Дэниелс, которая явно была не в лучшем состоянии. Переработанный и улучшенный воздух на борту корабля никак не облегчал головной боли от похмелья.

Орам приветствовал ее улыбкой, но выражение его лица оставалось напряженным.

– Добро пожаловать. Чувствуешь себя не лучшим образом? – Орам бы этим не ограничился, но он помнил слова жены.

Дэниелс едва на него взглянула. По его мимике – даже без учета тона – было очевидно, что Орам знал о похоронах. И о виски.

«Да пошел ты... капитан».

Для остроумных ответов у нее слишком гудела голова, не помогла даже врожденная саркастичность. Не обращая внимания на бросаемые на нее исподтишка взгляды, она молча прошла к своему рабочему месту.

***

Снаружи ремонтная команда заканчивала работу. Анкор провел финальную проверку кабельных каналов внутри мачты, над которой трудился. С удовлетворением убедившись, что все работает как надо, он закрыл технический люк, повернулся и легко тронул панель управления скафандром, ускоряясь по направлению к шлюзу.

– Все как надо. Направляюсь внутрь, Ти. Хорошо поработали.

– Эй, – ответил здоровяк. – Я всегда работаю по первому классу.

Закончив ремонт панели коллектора и манипулятора у кончика одной из мачт, Теннесси приготовился к возвращению на корабль.

Быстрый взгляд на экраны внутри шлема показал, что все корабельные системы снова в строю. Это означало, что они смогут возобновить связь через установленную систему ретрансляторов, которые связывали их с теперь уже очень далекой Землей подобно нитке электронных бус. Пусть даже это, как обычно, займет невероятно долгое время.

Хотя «Завет» был полностью самодостаточным, эта тоненькая нить играла важную роль, обеспечивала связь с планетой, являвшейся их домом. Это также означало, что пока путешествие продолжается, и корабль автоматически сбрасывает ретрансляторы при каждой остановке для подзарядки, после высадки на Оригаэ-Шесть на Земле узнают, что колония успешно создана в выбранном месте.

Теннесси включил двигатели и направился к огромному корпусу «Завета».

«Что можно сказать о работе за пределами корабля-колонии, – подумал он, – так это то, что тут нельзя потеряться».

Невозможно было потерять направление на базу, потому что в пределах светового года больше лететь было абсолютно некуда.

Он дал знак Анкору, что с ним все в порядке.

– Понял, – отозвался тот. – До встречи внутри.

– Я следом. Пожалуйста, организуй чего-нибудь холодненького для усталого путника.

– Заметано, приятель, – ответила вместо Анкора Апворт. – Я составлю компанию за холодненьким.

– Сердечно благодарю. Может, стоит подготовить два стакана? Выдвигаюсь.

– Знаешь, – пробормотала Апворт по закрытому каналу, – если бы мы сохранили весь высокоэнергетический алкоголь, который ты потребляешь, то возможно, смогли бы запитать системы корабля на лишний цикл.

– Не получится, – ответил Теннесси. – Мне потребуется еще больше выпивки для обслуживания корабля в лишний цикл. Принцип убывающей доходности.

Он приготовился лететь обратно и нацелился на шлюз.

Все выключилось.

В динамиках царил тишина, даже без шипения. Предупреждающие сигналы шлема, все сообщения и экраны погасли. Теннесси висел во тьме, исключая свет далеких звезд и огни корабля. Безо всяких инструментов Теннесси знал, что его сердечный ритм и частота дыхания внезапно ускорились. Жизнеобеспечение работало – потому что он был все еще жив.

«Чё за фигня?»

Он уже тянулся к кнопке перезапуска, когда внутри шлема внезапно мелькнуло чье-то незнакомое бледное лицо. Изображение пронеслось очень быстро и сопровождалось неприятным высокочастотным визгом. Теннесси вздрогнул от неожиданности. И картинка, и визг длились только секунду или около того, а потом пропали. Остались только стук его сердца и тяжелое дыхание.

Теннесси включил передатчик, забыв о том, что тот сбоил, как и остальные приборы скафандра.

– Что за?.. Ребят, вы это видели? Что-то только что проскочило...

***

Теннесси продолжал говорить. На мостике «Завета» слышали голос, но он доносился тихо и с помехами. Встревоженная Фарис склонилась к терминалу Апворт.

– Что он сказал? Могу поклясться, я слышала, как он что-то сказал.

– Не знаю, – пальцы Апворт бегали по консоли, пытаюсь очистить или усилить сигнал. – «Я что-то видел», кажется.

– Теннесси, – Фарис заговорила громче, – ты меня слышишь?

***

Он не слышал. Теннесси во второй раз дернулся при виде бледного призрачного видения. В этот раз изображение было более резким. Раздираемое помехами, оно вытягивалось и меняло форму как эктоплазма. Человеческое или нет, бледное лицо менялось настолько быстро, что Теннесси не мог разобрать черт. И снова изображение сопровождалось бившим по ушам визгом, который был таким же неразборчивым, как картинка – неразличимой. Теннесси показалось, что он почти может разобрать слова или хотя бы слоги. Почти видит дерганое движение губ, слышит странные звуки, балансирующие на границе между разумом и безумием.

На этот раз и изображение, и звук длились дольше, после чего снова полностью исчезли.

– Господи, – пробормотал Теннесси. – Что это было? – он снова попробовал связаться с кораблем. – Я возвращаюсь.

***

Лежавший на диагностическом столе шлем от скафандра Теннесси окружало такое количество проводов и тонких кабелей, что он походил на чужеродный грибковый организм. Проекции, голограммы и обычные экраны высвечивали данные в соответствии со своими аналитическими программами. Все результаты собирались в огромную составную проекцию, которая висела над столом.

Команда собралась вокруг. Некоторые изучали выжимку из всех данных, прочие по очереди просматривали отдельные отчеты. Поскольку существовала вероятность того, что пережитое Теннесси могло иметь отношение к

безопасности, к ним присоединился сержант Лопе.

Хотя в то время, когда Теннесси работал за пределами корабля, системы связи вышли из строя, шлем скафандра автоматически все записал. Экипаж смотрел, как в голограмме появилось белое пластичное видение, в этот момент без звука. Изображение оставалось размытым, несмотря на все усилия компьютера, но это определенно было лицо... чье-то. Оно изгибалось вперед и назад, вперед и назад.

Ни у кого не было ни малейшей мысли, что это означает.

Первым предложил вариант Рикс:

– Вероятнее всего – это заблудившаяся, случайная передача, – он посмотрел на Теннесси. – Наверное, твой скафандр ее подхватил потому, что ты работал далеко от корабля, за пределами работы внутренних глушилок. Вот почему мы ее не поймали. Передача крайне слабая.

– Заблудившаяся передача, – повторил Лопе. – Откуда?

Никто не ответил. Ни у кого не было ответа, а после повтора записи никто из собравшихся на мостике не был уверен, что хочет это знать.

– Мать, можно услышать сопровождающий звук? – попросил Орам.

Голова дернулась вперед, потом назад. Вперед, назад, теперь под неразборчивый визг.

«Некоторые части звучат почти членораздельно», – подумала Дэниелс.

Подобно всем остальным, она старалась уловить смысл в том, что слышит. Она решила, что звук частично содержит слова, а частично лишен смысла.

– Вероятно, не полная передача, иначе было бы четче, – поменял мнение Рикс. – Должно быть, эхо. Наверное, пришло и застряло в буфере, когда нас ударила та вспышка. Это объяснило бы помехи. Некоторым приборам сильно досталось. Этот кусочек не единственный, который скомкало.

– Нет, не думаю, что это эхо, – не согласилась Апворт. – Это прямая передача, – она указала на консоль. – И в логах записано. Каждые сорок шесть секунд с момента, когда мы выпали из прыжка на перезарядку, – она нахмурилась, глядя на сообщение. – Не понимаю, почему оно не проявилось прежде или почему выскочило на внутренних показаниях скафандра Теннесси, а не здесь.

– Эхо, – отстаивал свое мнение Рикс. – Никогда не знаешь, когда и где оно появится. Корабль выходит из вспышки, и стандартные протоколы передачи сообщений поминай как звали.

– Это похоже на... – пробормотал Орам, словно что-то вспоминая. – Я помню... – поняв, что все на него смотрят, он объяснил более нормальным голосом: – Меня растили как пятидесятника.

Лопе скорчил гримасу.

– Это что? Какое-то особое воспитание младенцев?

Капитан не улыбнулся.

– Религиозная деноминация. Настоящая древность, сера и пламень, – он указал на голограмму. – На собраниях порой слышишь что-то подобное. Это называется «говорить на языках». Слова звучат знакомо, но при этом достаточно искажены, чтобы было не разобрать – хотя бы человеку со стороны. В собрании оно звучало как надо. Так что я раздумываю над одним вариантом. Может, ничего и не получится, но... – он повысил голос:

– Мать, замедли сигнал. Проведи структурный поиск слов в передаче. Выбрось все, что не совпадает. Сделай выборку и собери снова. И проиграй задом наперед.

– Выполняю, – ответил корабль. – Пожалуйста, подождите.

– Перевернутый язык Господень, – Орам говорил как остальным, так и себе. – Язык лжи. Язык дьявола.

Фарис ответила на замечание капитана тонкой улыбкой:

- Интересно узнать об этом.

Апворт посмотрела на него с любопытством.

- Что навело вас на такую мысль, капитан?

Орам, казалось, вернулся откуда-то издалека.

- Сходство. Старая игра в «оговорки». Могу ошибаться, но попробовать стоит. Вреда от этого не будет, - он слабо улыбнулся. - Говоря о сходстве, я подразумевал лингвистику, а не близкое личное знакомство.

Апворт выпятила нижнюю губу и строго заметила:

- Капитан, мы бы о вас никогда такого не подумали.

Орам поднял бровь, но выглядел он слегка довольным.

- Я перевернула и скомпоновала передачу, капитан Орам, - объявил корабль. - Включила все, что смогла извлечь и сделать вразумительным. Я позволила себе внести только необходимые изменения, чтобы сохранить общую связность.

- Не сомневаюсь, - Орам отстраненно махнул рукой. - Выведи результат на основной канал.

Теперь вместо непостижимого визга раздался голос. Ритмика была странной, структура речи смазанной, но голос определенно принадлежал человеку. Слова - тоже. И таких слов не ожидал услышать никто.

- ...слезы в моих... родные края...

Это немного давало. Не речь, не мольба, но что-то понятное. Это всех ошеломило.

Человек. В такой дали.

Из всех собравшихся один Уолтер не выглядел изумленным. Он сидел на своем месте и работал, сохраняя обычное бесстрастное выражение лица. Такая сосредоточенность помогла ему дать ответ на вопрос, который еще не прозвучал, но мелькнул в сознании каждого.

– В сообщении есть и данные о местонахождении его источника.

– Насколько подробные? – тут же спросил Орам.

– Достаточно. На самом деле, более чем достаточно, – не замедлил с ответом синтет. – Мать, пожалуйста, отследи сигнал к источнику. И выведи на экран.

– Выполняю. Пожалуйста, подождите.

Над центральной консолью мостика появилась навигационная голограмма. Уолтер подстроил размер, цвета и содержимое. Его взгляд метался от консоли и оповещений к голограмме: синтет добавлял к ней дополнительные детали и связанные точки.

Результат получился неожиданным.

Голограмма мигнула, исказилась и исчезла. Вместо нее поднялась мешанина синих точек, которые распространились за границы навигационной системы и мгновенно заполнили всю комнату. В центре изначальной голограммы начало формироваться изображение. Контуров были нечеткими, они то вырисовывались, то меняли форму, трепетали, пока компьютер пытался собрать картинку воедино.

– ...где место мое... память моя, вернись туда...

Остальное было не разобрать. Потом изображение обрело форму, свернувшись в нечто более явное. Теперь ошибки быть не могло: это была женщина, изображенная в полный размер. Под изумленными взглядами членом экипажа, фигура начала перемещаться по мостику. Она проносилась сквозь твердые предметы подобно бесплотному привидению. Привидению, которое жалобно стонало; слова едва можно было разобрать.

– ...и радио напомнило о доме, и по пути я чувство испытал, что нужно было мне домой еще вчера, еще вчера...

Теннесси, наклонив голову к летящей фигуре, пытался расслышать, понять тихую напевную речь, которая казалась почти песней. Слова, пришедшие из другого времени, другого мира, повисали в неподвижном воздухе мостика подобно слуховым призракам. Найдя в памяти слова и мелодию, Теннесси начал мурлыкать в тон.

– ...проселочные дороги, верните меня домой, туда, где место мое. Западная Вирджиния, горная мамочка, верните меня домой, проселочные дороги...

Блуждающее изображение внезапно застыло. Оно висело еще миг, после чего рассыпалось бесшумным взрывом исчезающих пикселей. Все глаза повернулись от исчезнувшей фигуры к человеку, который подпевал древним словам.

– «Верните меня домой, проселочные дороги», – заметив, что остальные ждут подробностей, Теннесси продолжил: – Песня впервые записана великим Джоном Денвером, певцом и композитором середины двадцатого века, активистом-экологом.

– Что такое «активист-эколог»? – поинтересовалась Апворт.

– Человек, который призывает беречь окружающую среду, – Теннесси посмотрел на нее и, увидев пустой ответный взгляд, добавил: – На данный момент они уже давно вымерли. Вместе с причиной существования.

– Ты, верно, шутишь, – покачал головой Лопе.

– Я никогда не шучу о Джоне Денвере, – торжественным голосом заявил Теннесси.

Урок истории прервала Мать.

– Определен источник передачи.

– Покажи, будь добра, – запросил Орам.

Появившаяся звездная голокарта сектора, в котором оказался корабль, была настолько подробной, насколько это было в силах компьютера. Мать без напоминаний дала увеличение зоны, в центре которой находилась одиночная расплывчатая звезда. У нее не было ни названия, ни обозначения. Даже в эпоху, когда на орбитах между Землей и Луной располагались мощные телескопы, все еще оставались зоны, звездные объекты, которые невозможно было четко различить.

«Пустые» области полнились пылью, отличались гравитационными помехами и другими астрономическими явлениями, которые часто препятствовали прямому изучению отдаленных объектов. К таковым относилась и не отмеченная на картах звезда, местоположение которой Мать смогла определить только с текущей позиции корабля в пространстве.

Изображение оказалось ничем не примечательным.

– Детали, – потребовал Орам.

– Источник сигнала находится в секторе сто пять, прямое восхождение сорок семь точка шесть и отклонение двадцать четыре точка три относительно нашего текущего положения. Передаю и сохраняю полные координаты.

– Есть, – Рикс, который сидел у навигационной панели, задействовал дополнительную аппаратуру, чтобы выжать из полученной информации еще больше полезных данных. Удовлетворившись результатом, он тронул панель, и голографическая карта во второй раз дала крупный план. Теперь проявились дополнительные подробности. Размытое изображение звезды обрело четкость. Показались пять планет вместе с обычным набором лун, астероидов и прочих космических камней. Оператор смотрел то на голограмму, то снова на консоль.

– Похоже на звезду главной последовательности. Вроде нашей, но эта довольно старая для своего типа. Очень старая. С пятью планетами, – он замолчал, нахмурился и перепроверил некоторые заслуживающие внимания сообщения. – И поглядите, четвертая от звезды планета находится точно в обитаемой зоне.

Последнее заявление поразило всех. Учитывая то, сколько усилий приложила Земля для поисков всех потенциально пригодных для жизни планет в пределах

достижимости кораблей-колоний, обнаружение пропущенного мира в этом секторе стало потрясением.

Орам рассудил, что этому, возможно, не стоило удивляться.

Даже в век, когда исследования глубокого космоса и колонизация воспринимались как нечто само собой разумеющееся, люди, кажется, с трудом осознавали, насколько космос велик. Если добавить к этому тот факт, что только что обнаруженная система находилась в зоне, насыщенной космическими помехами – вроде той вспышки, которая повредила корабль, – то упущение не выглядело таким уж странным.

И, вероятно, это была не последняя система, оставшаяся незамеченной.

– Так, значит, это совсем рядом, – сказал он. – И достаточно близко, чтобы получить данные в режиме реального времени. На что оно похоже?

Рикс добавил увеличение, дав полную нагрузку на аналитические возможности корабля. У Матери ушло некоторое время на сбор и обработку требуемых данных, после чего Рикс поделился результатами:

– Лучше и быть не может. Ноль целых девяносто шесть сотых «же» на поверхности. По всей планете. Нет экстремальных гравитационных состояний на полюсах или экваторе. Океаны жидкой воды. Разрозненная суша, в основном гранитная и базальтовая по составу. Не могу ничего сказать о тектонической активности: мы слишком далеко, и у меня только предварительные данные. Для такого потребуется больше времени, – он на секунду замолчал. – Все указывает на высокую вероятность существования живой биосферы. По крайней мере, все необходимые показатели подходят, – взгляд Рикса обратился к Дэниелс. – Все, что я вижу, соответствует миру, который превосходит самые оптимистичные наши – и Компании – ожидания по поводу Оригаэ-Шесть.

– Ты уверен? – с сомнением спросила Дэниелс и наклонилась над его консолью.

Рикс хмыкнул.

– Насколько могут быть уверены датчики Матери. И у нас здесь обзор чертовски лучше, чем был у Земли на Оригаэ-Шесть.

Ни от кого не ускользнул подтекст последнего замечания.

– Как мы ее пропустили? – настаивала Дэниелс. – Мы просканировали каждый уголок этого сектора.

– Вид с Земли, очевидно, закрыт, – Орам рад был вмешаться. – Плотная туманность, пылевое облако, периодические вспышки, которые забивают инфракрасное излучение. Может, когда здесь проходил поиск, планета проходила перигелий на противоположной от Земли стороне относительно звезды. Или, может, вся система оказалась ровно позади другой звезды или двух. Не говоря уже о шутках, которые гравитационное линзирование может играть с планетарными сканерами, – пытаюсь успокоить Дэниелс, он продолжил: – Не вини себя или программу за недосмотр.

– Насколько оно далеко? – хотя Лопе слушал с не меньшим вниманием, чем все остальные, его позиция была более прагматичной. – Не от дома, от нас.

– Близко, – Рикс, снedaемый любопытством, уже провел необходимые расчеты. – Действительно близко. Короткий прыжок от текущей позиции. Может, несколько недель. На прыжковой скорости не потребуются даже гиперсон.

Собравшиеся переварили и этот кусочек информации. Никакого больше гиперсна. Никакого пробуждения с негнувшимися суставами, иногда с плохим самочувствием, ослабленными мышцами, ноющими нервами, бурлением в желудке и таким вкусом во рту, словно на протяжении десяти лет жевал хлопок. Все это плюс потенциальное место для колонии, показатели которого были лучше, чем у места, куда направлялся «Завет».

Орам отметил реакцию людей и повернулся к Уолтеру.

– Как долго продлится прыжок до Оригаэ-Шесть?

– Семь лет, четыре месяца, три недели, два дня, – сразу ответил синтет. – Плюс-минус двенадцать часов, и это без учета непредвиденных ситуаций.

– Чертовски длинный период сна, – Фарис бесстрастно посмотрела на капитана. – И семь лет на «непредвиденное». Семь лет, в течение которых погашенные сознания и тела не будут знать, как корабль справляется с нагрузками.

– Я тебе так скажу, – добавила Апворт. – Не слишком-то я рвусь забраться в одну из этих капсул. Всегда была немного подвержена клаустрофобии.

Фарис скорчила мину.

– Клаустрофобия означает немедленный отвод из экипажа корабля-колонии.

– Подумаешь, немного соврала в заявлении, – пожала плечами молодая женщина, избегая взгляда Орама. – Как только засыпаю, это меня уже не волнует.

Орам решил проигнорировать признание. Теперь это едва ли имело значение. Остро осознавая, что все ждут его решения, Орам понимал, что настало время выполнения капитанских обязанностей.

– Ладно, давайте взглянем, – сказал он. – Система не настолько далеко в стороне от курса на Оригаэ, чтобы остановка сильно повлияла на ресурсы корабля. Как минимум мы получим интересные данные для отсылки на Землю.

Правильным было решение или нет, он не знал. Очевидно, что именно этого хотела команда. Члены экипажа вернулись к работе, не скрывая радостного возбуждения. Обеспокоенными выглядели только Дэниелс и Теннесси. Когда Орам отошел к своему рабочему месту, Дэниелс последовала за ним и тоже стала смотреть в передний иллюминатор. Остальные, погрузившись в собственную работу, не обращали на них никакого внимания.

– Капитан, вы уверены?

– О чем ты?

– Я хочу сказать, мы потратили десятилетие на поиски мира, подобного Оригаэ-Шесть. Компания, сторонние консультанты, соответствующие

правительственные департаменты – все силы были направлены на то, чтобы найти лучшее, самое подходящее место для колонии. Сотни специалистов на протяжении десяти лет занимались детальным изучением тысяч систем, чтобы выбрать единственную оптимальную планету. Мы проверили ее, прогнали тысячи симуляций, создали карты возможной поверхности, основываясь на той информации, которую возможно было собрать издалека. Это то, к чему мы все готовились.

– Я понимаю, однако вероятность... – начал было Орам, но Дэниелс, пренебрегая протоколом, его перебила.

– А теперь мы все это отбрасываем ради погони за источником потерявшейся передачи?

Орам решил не укорять Дэниелс за то, что та не дала ему закончить фразу.

– Не обязательно ради передачи. Ради возможности обрести лучший шанс. Планету, которая расположена ближе и, вероятно, даже больше подходит для нашей цели. Передача, ее источник и автор – второстепенны, – его лицо посуровело. – Если этот мир окажется пригодным для наших нужд, мне все равно, найдем мы когда-нибудь источник передачи, или нет. Она может остаться тайной для колонистов, темой для размышлений, пока они обустроятся. Страшилкой для детей. Важно то, соответствует ли планета данной Матерью характеристике, – Орам пожал плечами. – Если нет, то и вреда никакого. Мы продолжим путь к Оригаэ-Шесть, а потеряем очень мало – если вообще хоть что-то.

Дэниелс вздохнула.

– Капитан, подумайте. Кристофер. Передача от человеческого существа – или о человеческом существе – там, где не должно быть никаких людей. Неизвестная планета, нет – неизвестная система, которая внезапно появляется ниоткуда. И не говорите мне о вклинившихся космических обломках, звездной маскировке или еще чем-то подобном. Вот планета, которая совершенно случайно идеально нам подходит. По крайней мере, так кажется на расстоянии. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Сплав олова с другими металлами.

2

Джованни Баттиста Перголези (1710–1736) – итальянский композитор, скрипач и органист, один из главных композиторов оперы-буфф.

3

Пендерецкий Кшиштоф (р. 1933) – польский композитор и дирижер, один из главных представителей восточноевропейского музыкального авангарда.

4

Вариант имени выбран в соответствии с русской локализацией фильма «Прометей».

5

Имеется в виду монументальная Симфония № 1 («Готическая»), написанная в 1927 году английским композитором Хавергалом Брайаном (1876–1972).

6

Сен-Хеленс – активный вулкан в США, при извержении которого в 1980 году погибло около 60 человек. Этому событию посвящена третья часть симфонии американского композитора Алана Хованнеса «Гора Сен-Хеленс» (Симфония № 50, Op. 360), написанной двумя годами позже.

7

Видимо, имеется в виду *allgegenwärtig* – «универсальный, всеобъемлющий» (нем.).

8

Видимо, речь идет об аналоге гидравлического спасательного инструмента.

9

Автор использовал здесь фразу «Knick-knacks, paddywacks, give a girl a break...», обыгрывая строки «With a knick-knack paddywhack, Give the dog a bone» из старой песни под названием This old Man. Песня относится к голоду 1845 года в Ирландии, когда местное население вынуждено было выпрашивать милостыню или заниматься старьевщицеством.

Купить: https://telnovel.com/foster_alan/chuzhoy-zavet

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)